

ВОЙНА И МЫ

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ВТОРЖЕНИЕ

**22 ИЮНЯ
1941 ГОДА**

Война и мы

Алексей Исаев

Вторжение. 22 июня 1941 года

«Яуза»

2016

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

Исаев А. В.

Вторжение. 22 июня 1941 года / А. В. Исаев — «Яуза»,
2016 — (Война и мы)

«Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание и потеряет дар речи!» – так говорил Гитлер. А после разгрома Франции фюрер заявил: «Поверьте мне, в сравнении с этим кампания против России будет детской игрой». Однако первый же день войны против СССР показал, как он ошибался, – уже 22 июня 1941 года гитлеровцам пришлось признать: «Противник упорно и храбро сражается до последнего. О перебежчиках и сдавшихся в плен не сообщается. Бои гораздо серьезнее, чем во время Польской и Западной кампании...» В этой книге ведущий военный историк не только восстанавливает ход Вторжения на всех фронтах, от Прибалтики до Черного моря, но и опровергает многочисленные мифы о первом дне Великой Отечественной: «Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего, это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 года разворачивалось как по нотам для сил вторжения...» (Алексей Исаев)

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

© Исаев А. В., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Часть вторая	31
Мастера «блицкрига»: 4-я танковая группа	40
На приморском фланге	63
Пробивая брешь на Минск: 3-я танковая группа	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Алексей Исаев

Вторжение. 22 июня 1941 года

Автор благодарит Н. Власова, П. Козлова, М. Синицына и А. Томзова за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

© Исаев А. В., 2016

© ООО «Яуза-каталог», 2016

Предисловие

Прошлое уже нельзя изменить. Исторические события таковы, как они произошли 10, 50 или 100 лет назад. Однако далеко не всегда остается статичным наше знание о них. Обнаружение новых документов, сопоставление данных из разных источников позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо изученные моменты истории отечества.

За несколько лет, прошедших с момента издания книги «22 июня. Черный день календаря», написанной в соавторстве с Артемом Драбкиным, объем знаний о первом дне войны значительно вырос. Это заставило задуматься о написании новой книги, не просто очерка основных событий первого дня войны вкупе с объяснением причин происходившего, но выстраивания детальной, подробной картины боевых действий 22 июня 1941 г. на всем пространстве от Балтики до Черного моря. Кто сражался, кто отступил, кто был героем, а кто антигероем первого дня войны. Что вообще происходило на всем гигантском извилистом фронте от Паланги до Перемышля? В конце концов, спустя 75 лет мы имеем право знать, что происходило в приграничной полосе в то роковое для всей страны воскресенье. Поэтому в этой книге я не углубляюсь в вопросы военного строительства и планирования сторон, сосредотачиваясь на собственно боевых действиях первого дня войны. Позволю себе лишь напомнить некоторые существенные и важные для событий именно 22 июня 1941 г. детали. Относительно общего состояния Красной Армии и вермахта многое уже было сказано на страницах моих предыдущих работ.

Много лет мне не давала покоя простая мысль о том, что ушедшие из казарм или летних лагерей на войну солдаты и командиры Красной Армии еще не знали о грядущей катастрофе. Они строились в маршевые колонны или занимали места на позициях, будучи овеяными кинофильмами, книгами и песнями о том, что «Всколыхнется страна, велика и сильна, и врага разобьем мы жестоко...». Те, кто шли в бой, еще не знали о быстрой потере Минска, трагедии Киева, о череде окружений и отступлений первых месяцев войны. Они были уверены в себе и во вверенной им технике (при всех оговорках относительно реального ее, техники, состояния).

Мы сейчас, спустя много десятилетий, знаем, что обстановка утром 22 июня давала бойцам и командирам приграничных частей мало шансов даже на простое выживание в пламени первых боев. Они всего этого еще не знали. Причем подъем с кровати под огнем был скорее исключением из правил. У большинства была возможность подняться по тревоге и привести себя в порядок, располагая минутами, если не часами, до встречи с противником. Томительное ожидание на позициях, лихорадочное «вгрызание» в землю в последние мирные часы или марш под палящим солнцем – у всех был свой путь на войну. По существу схватка между силами вторжения и войсками армий прикрытия распалась на множество боев, атак и контратак на всем протяжении границы. В этих боях немецкие и советские части вели каждая свою войну. Немалое число солдат вообще шли в бой первый раз в жизни (причем не только со стороны Красной Армии).

Впереди у людей в униформе мирного времени, еще не переживших ад позиционных боев или скитаний по лесам после окружения, был целый день. Причем не просто целый день, а самый длинный день в году, начавшийся с первыми лучами солнца и закончившийся в кромешной тьме июньской ночи. За время этого дня многое могло измениться, и фортуна могла успеть отвернуться от одних и повернуться к другим. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 г. разворачивалось как по нотам для сил вторжения. «Туман войны» густо окутывал поле сражения, и решение задач со многими неизвестными в подготовительный период далеко не всегда оказывалось правильным и адекватным реальной обстановке.

Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего, это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Под Брестом в Белоруссии имело место серьезное отставание наступления 2-й танковой группы от запланированного графика. В Прибалтике, на территории самого слабого округа, имелись отдельные узлы ожесточенного сопротивления, заставлявшие если не радикально переписывать планы, то менять задачи отдельных соединений.

Одним словом, 22 июня 1941 г. вовсе не было однозначно успешным для всех соединений вермахта и однозначно неуспешным для всех оказавшихся на их пути советских частей и подразделений. Не все, и, можно даже сказать, далеко не все, войска в приграничных округах СССР оказались застигнуты врасплох. Против Красной Армии работали мощные внешние факторы, перевешивавшие внезапность начала войны. В целом первый день боевых действий стал завязкой упорной борьбы на советско-германском фронте.

Также необходимо подчеркнуть, что написание истории страны – это всегда коллективный труд, его формирует научное сообщество. Взаимодействие и научная дискуссия позволяют выстраивать сбалансированную картину происходившего. В последние годы огромный вклад в изучение событий 1941 г. сделан такими исследователями, как М. Э. Морозов (в отношении действий советского ВМФ и морской авиации), Р. Алиев (Брестская крепость), М. Тимин (в отношении подготовки и действий ВВС Красной Армии) и С. Б. Булдыгин (Прибалтийский округ). Их работы, некоторые моменты которых можно смело называть открытиями, безусловно, требуют учета и внимания в описании начала войны.

Часть первая

Когда мир затаит дыхание

Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание и потеряет дар речи!

Адольф Гитлер

*В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила.*

Песня из кинофильма «Если завтра война»

В 1938 г., когда на экраны Советского Союза вышел фильм «Если завтра война», мало кто мог предсказать разрушительную мощь новых средств борьбы, со всей ужасающей очевидностью продемонстрированную в 1940 г. Прецедент силы, способной сокрушить русскую государственность, уже имелся в прошлом – монголы. Монголы нового времени, уже не на лошадях, а на танках, тягачах и автомобилях, пришедшие не с востока, а с запада, грозили смертью и опустошением. Тем более наша страна не считалась еще сильным противником. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г. упоенный успехом Гитлер сказал начальнику штаба верховного командования вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим». В рейтинге армий мира Красная Армия на тот момент, безусловно, стояла ниже французской и считалась относительно слабым противником.

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40–50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжит войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США,

а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40–50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота». ¹ Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000. С. 125.

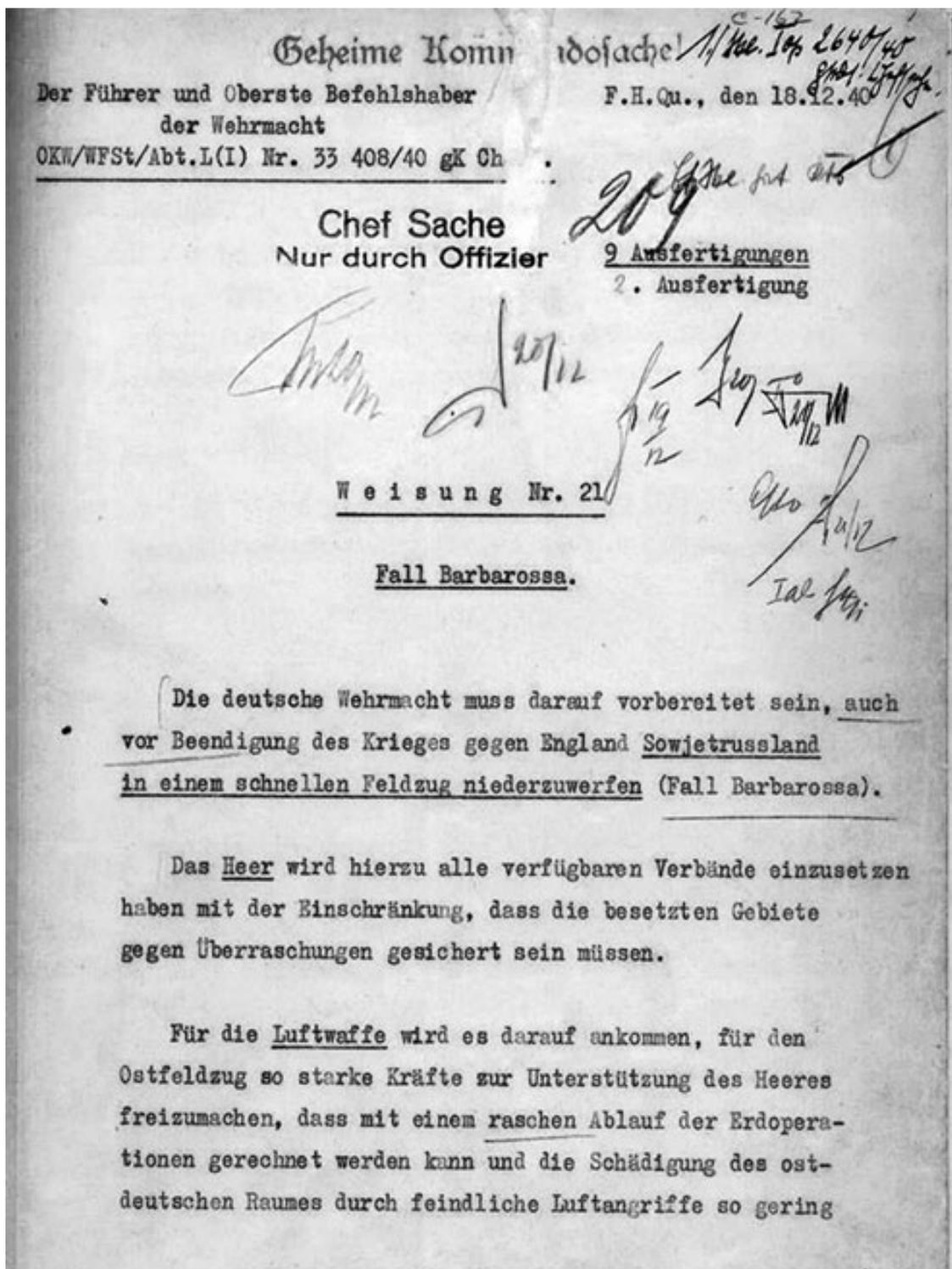

С. К. Тимошенко осматривает 45-мм противотанковую пушку на предвоенных учениях. Стоят Г. К. Жуков и К. Е. Ворошилов.

Изначально сделанная ставка на силовое решение проблемы и переоценка своих возможностей привели к введению в заблуждение советского руководства относительно реальных планов Германии. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территорий. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в истории войн.

После принятия политическим руководством Третьего рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана был утвержден фюрером. Он остался в истории как Директива № 21. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».²

² 1941 г. Документы. С. 452.

Первая страница Директивы № 21 «Барбаросса». Факсимиле документа.

Направлением главного удара было выбрано московское направление. В Директиве № 21 было сказано:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными

соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Таким образом, германские войска, предназначенные для ведения войны с СССР, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг».

«Охотничьи соколы». Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916–1918 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г., указывалось: «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный, корпус образца июня 1941 г. состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизий. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя.

При численности танковой группы от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу как средство оперативного управления армейской группировкой можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки,³ наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя».⁴

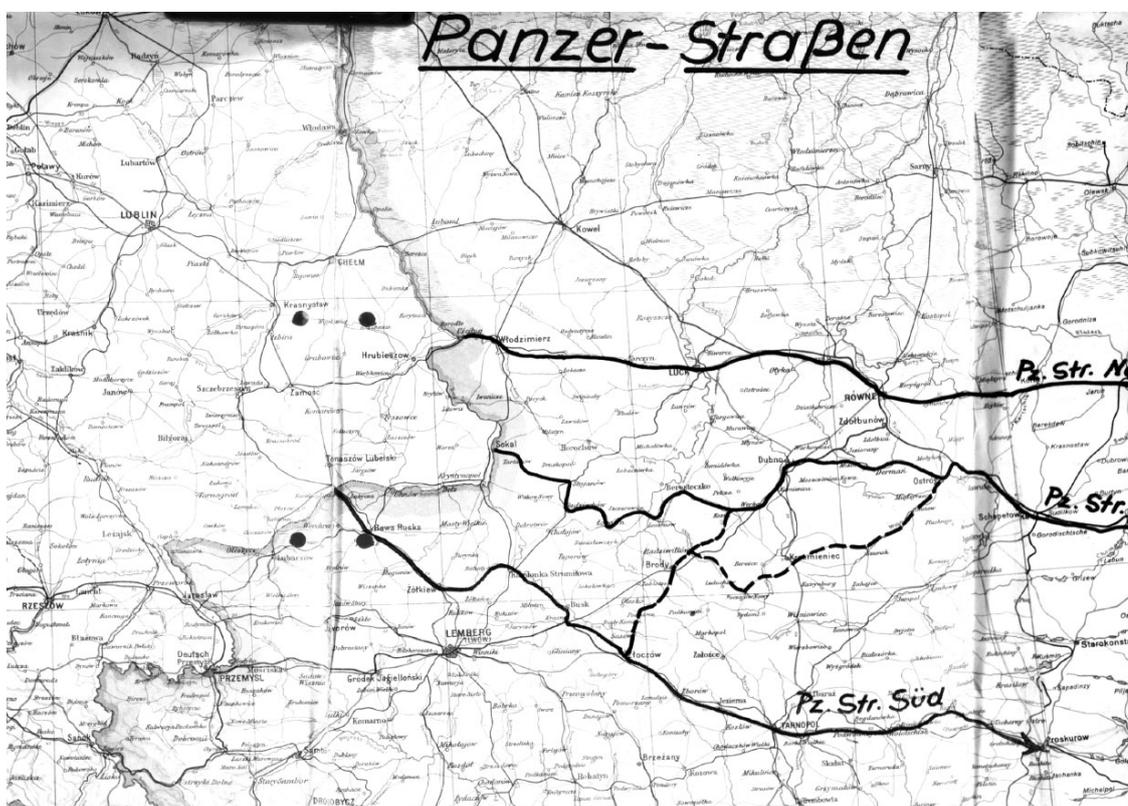
Первой танковой группой стала ТГр Клейста в мае 1940 г. во Франции. Наступление танковой группы Клейста во Франции привело к отсечению и оттеснению к морю группировки англо-франко-бельгийских войск численностью почти 1 млн человек. К началу войны с СССР в вермахте было четыре танковых группы. Соответственно 1-я танковая группа Э. фон Клейста подчинялась ГА «Юг», 2-я и 3-я танковые группы (под командованием Г. Гудериана и Г. Гота) – ГА «Центр» и 4-я танковая группа Э. Гепнера – ГА «Север».

Одним из краеугольных камней германского военного планирования была концепция выбора и точного определения так называемых «панцерштрассе» (Panzerschtrasse – букв. «танковая дорога»). Иногда в документах ее также называли Rollbahn (автогужевое шоссе, рулежная дорожка в авиации). В «Директивах по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Предельное использование скорости дивизии обеспечивается предоставлением

³ Вероятно, неудачный перевод, скорее всего имеется в виду «группа армий». – Прим. автора.

⁴ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. С. 63.

ей хороших дорог с мостами большой грузоподъемности и освобождением этих дорог от других частей».⁵ Соответственно, концепция «панцерштрассе» предусматривала заблаговременное выявление в полосе предстоящего наступления дорог, которые могли бы стать осью продвижения механизированных соединений. Танки и БТР, разумеется, могли действовать вне дорог. Однако многочисленный автотранспорт, тысячи автомашин, обеспечивавших снабжение танковых частей, требовали хороших дорог с твердым покрытием.

Расположение трех «панцерштрассе» в полосе действий группы армий «Юг». Факсимиле немецкой карты.

Обычно «панцерштрассе» представляли собой цепочку из соединяющих узлы дорог шоссе с твердым покрытием. С началом операции движение по этим дорогам подразделений пехотных дивизий строго воспрещалось. Разумеется, на практике имели место нарушения этого правила, но, по крайней мере, директивно это прямо и недвусмысленно запрещалось. «Панцерштрассе» могли быть использованы только для передвижения транспорта танковых соединений. Чаще всего одному моторизованному корпусу выделялась одна «панцерштрассе». Родоначальник боевого применения танковых групп Э. фон Клейст выбрал для 1-й танковой группы три «панцерштрассе» в полосе наступления ГА «Юг». Для 2-й и 3-й танковых групп были выбраны по две «панцерштрассе». Дополнительно для 3-й ТГр Г. Гота выделялась запасная «панцерштрассе», проходящая через Гродно. В 4-й ТГр «панцерштрассе» в явном виде не обозначались, но осью наступления все равно выбирались крупные магистрали. В приложении к событиям 22 июня 1941 г. это важно, поскольку с самого первого дня развернулась борьба за обладание этими крупными автомагистралями. Предложения об использовании альтернативных маршрутов отклонялись командованием танковых групп. Особенно ярко это проявилось в отношении 1-й танковой группы.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11351. Д. 31. Л. 152.

Однако не у всех эта концепция вызывала положительные эмоции. Опытный пехотный командир Фридрих Хоссбах (к началу войны с СССР – полковник, возглавлявший 82-й пехотный полк) позднее писал: «Появление в армии моторов уничтожило это проверенное веками уважительное отношение к пехоте. Лучшие дороги стали отдавать в распоряжение моторизованных и механизированных соединений, чтобы лучше использовать их подвижность и беречь их материальную часть. В распоряжении пехоты остались самые плохие дороги. Такой подход показался обоснованным в условиях Западной Европы с ее сетью превосходных дорог. Однако в условиях бездорожья восточного театра военных действий такая тактика привела к резкому затруднению продвижения пехотных частей».⁶ Далее Хоссбах выразился даже резче: «Высокопоставленные командиры и их помощники [...] в большой мере утратили представление о границах возможного». Своя правда в этих словах есть – действовавшей совместно с танковыми соединениями пехоте действительно приходилось трудно, и неизбежно возникали трения относительно использования «панцерштрассе». Тем не менее проблема не была всеобщей: танковые группы наступали на ключевых направлениях, оставляя немало места для маневрирования пехоты на направлениях вспомогательных. Здесь пехота вермахта могла наступать, не оглядываясь на выбор дорог подвижными частями.

⁶ Хоссбах Ф. Пехота вермахта на Восточном фронте. 31-я пехотная дивизия в боях от Бреста до Москвы. 1941–1942. М.: ЗАО Центрполиграф. 2014. С. 54–55.

Немецкая штурмовая группа ведет бой за советский ДОТ на новой границе. Фото постановочное, но повреждения ДОТа не оставляют сомнений, что он подвергся удару реальной штурмовой группы, возможно, за несколько часов до снимка.

Штурмовые группы. «Блицкриг» обычно ассоциируют с танками и танковыми войсками, однако первым камнем в фундамент технологии «молниеносной» войны стала тактика боя пехоты, выработанная в общих чертах в конце Первой мировой войны 1914–1918 гг., известная как тактика штурмовых групп. Основной идеей этой тактики являлось максимально возможное использование маневра и огня наступающих пехотных подразделений для довершения разгрома обороны противника. Ввиду возросшего могущества обороны, даже самая сильная артиллерийская подготовка не могла полностью уничтожить ее систему огня. Французская идея «артиллерия разрушает, пехота занимает» не работала и приводила к колоссальным потерям. Более продуктивной оказалась идея «артиллерия разрушает, пехота добивает». Атакующие пехотные подразделения, перекатывая в своих боевых порядках легкие орудия калибром 37–75 мм, добивали огнем пулеметов и орудий оживающие после артподготовки огневые точки противника. Также штурмовые группы активно использовали уже пробитые в обороне бреши для просачивания в глубину, обхода и атак оставшихся узлов сопротивления с флангов и тыла. Далее захваченные позиции закреплялись с помощью инженерных средств, которые штурмовые группы также несли с собой. В послевоенный период эта тактика получила свое логическое развитие с принятием на вооружение специальных легких орудий, способных перемещаться вместе с атакующей пехотой. Речь идет прежде всего о 75-мм полковой пушке leIG18. Также немцы активно использовали в составе штурмовых групп 37-мм противотанковые пушки. Они не были лучшим средством борьбы с новейшими танками, но вполне эффективно использовались как средство поддержки атаки пехоты. 22 июня в бой пошли новейшие 50-мм противотанковые пушки.

Немецкие пехотинцы у ДОТа «Линии Мажино». Германская армия в 1940 г. получила не только опыт операций механизированных соединений, но и опыт штурма долговременных укреплений.

«Капля долбит камень не силой, но частотой падения...» – толстая броня колпаков «Линии Мажино» раскалывалась после множества попаданий.

Казалось бы, все эти вещи далеки от «блицкрига», но это обманчивое впечатление. Адаптация тактики штурмовых групп пехотой вермахта в целом повышала эффективность наступательных действий всех подразделений, в том числе мотопехотных. Это позднее стало одним из факторов успешных атак немецкой мотопехотой французской обороны на Маасе в мае 1940 г. и июньского прорыва «линии Мажино».

Советские специалисты позднее так описывали немецкую тактику:

«Для действия против долговременных огневых точек немцы создают из саперов специальные блокировочные отряды. Такой блокировочный отряд составляет из 30–40 человек...

[...]

Если нужно, дымовая подгруппа ставит непосредственно перед долговременной огневой точкой дымовую завесу. Ударная подгруппа проделывает проходы в проволочных заграждениях и пропускает подрывную подгруппу, которая подползает к долговременной огневой точке для разрушения выходящих на поверхность частей сооружения (броня, стволы орудий, пулеметы, вентиляционные отверстия). Через образовавшиеся после взрывов разрушения в амбразурах подрывники забрасывают защитников долговременной огневой точки ручными гранатами. С тыла под прикрытием дымовой завесы подбирается огнеметная подгруппа, которая выжигает входные двери казематов».⁷

⁷ Разведывательный бюллетень № 25. Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М.: Воениздат НКО

Еще одним фактором, обеспечившим немцам успешный прорыв «линии Мажино» (а немалое число ее фортов были именно взяты штурмом), стало использование 88-мм зениток. В ходе штурма форта (точнее «овража», комплекса долговременных сооружений) «Фермон» у Лонгийона 17 июня 1940 г. поддерживавшие 183-ю пд две 88-мм зенитки с дистанции 6 км выпустили 160 снарядов за четыре часа и пробили дыру диаметром около метра в основном артиллерийском сооружении форта. Последние из выпущенных снарядов разрывались уже внутри форта. Хотя именно форт Фермон в итоге выстоял, 88-мм зенитки оказались эффективнее осадной артиллерии, в том числе 305-мм гаубиц.

Более результативным был штурм форта Керфен соединениями немецкой 1-й армии. После трехчасового обстрела 88-мм зенитками, серьезно повредившими форт, в атаку пошли штурмовые группы. Финалом штурма был обстрел из 88-мм зенитки с дистанции всего 100 метров. В итоге гарнизон форта капитулировал. Любопытно отметить, что на этом направлении у немцев вообще отсутствовала сверхтяжелая артиллерия. Дивизии, штурмовавшие линию Мажино в составе XXXV корпуса, располагали лишь 150-мм дивизионными гаубицами. Исследования французских укреплений уже после падения Франции показали, что бронеколпаки с толщиной брони около 300 мм, теоретически неуязвимые для полевой артиллерии и 88-мм пушек, от массированного обстрела все же раскалывались и разрушались, что в итоге вело к потере боеспособности всего сооружения.

В более традиционном стиле при поддержке авиации и тяжелой артиллерии проходил штурм укреплений «линии Мажино» в северном Эльзасе. Здесь 215-я пд атаковала «овражи» 19 июня 1940 г. при поддержке 355-мм и 420-мм орудий, а также пикирующих бомбардировщиков. Однако двухчасовая артиллерийская подготовка и 30-минутный налет Ю-87 не возымели ожидавшегося эффекта. Как отмечалось в истории соединения, «вопреки ожиданиям разрушительный огонь тяжелой артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, несмотря на свое устрашающее моральное воздействие, так и не смог вывести из строя бронированные бункеры».⁸ Разумеется, некий эффект все же был. В частности, были разрушены линии связи между сооружениями. Но гарнизоны вполне сохраняли боеспособность. В этих условиях именно штурмовые действия пехоты и приданные в последний момент 88-мм зенитки и 20-мм зенитные автоматы стали основными средствами борьбы с французскими долговременными укреплениями. Немецкие пехотинцы поднимались на крыши сооружений и использовали мощные подрывные заряды для подавления сопротивления противника. Как позднее отмечалось в истории соединений, изрешеченный бронеколпак одного из «овражей» в полосе 215-й пд был помещен в учебник как пример эффективного подавления долговременного сооружения противотанковыми пушками. Успех штурмовых групп дивизии обусловил вскрытие того факта, что во время обстрела французы закрывали амбразуры бронезаслонками. Соответственно, это позволяло немцам подбираться ближе к фортам в процессе артподготовки. Прорыв «линии Мажино» стоил 215-й пд всего 31 убитого и 108 раненых.

Накопленный опыт штурма долговременной фортификации никуда не делся и в 1941 г. применялся для прорыва советских укреплений. Зачастую в атаках на советские укрепрайоны участвовали конкретные соединения, уже имевшие опыт прорыва «линии Мажино» в той или иной форме. Это были, например, 257-я и 75-я пехотные дивизии. Опыт использования 88-мм зениток уже по результатам осмотра захваченных сооружений был правильно оценен, и 22 июня как средство борьбы с ДОТами уверенно направляли 88-мм зенитки. Кроме того, подоспели разрабатывавшиеся изначально для сокрушения «линии Мажино» 600-мм мортиры «Карл».

СССР, 1942. С. 70–71.

⁸ Шельм В., Мерле Г. 215-я пехотная дивизия. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2015. С. 22.

Удары по аэродромам. Одним из излюбленных методов люфтваффе в борьбе с авиацией противника являлось ее уничтожение на аэродромах. Причем нельзя сказать, что аэродромы обязательно должны были «спать». Участие «Легиона Кондор» в гражданской войне в Испании дало немцам бесценный опыт и стало своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. В ночь на 2 октября 1936 г. 2 принадлежавших франкистам бомбардировщика Ю-52 бомбили республиканский аэродром Хетафе. На нем выстроились в линию 9 самолетов, составлявшие основу республиканской авиации на мадридском направлении. Они были уничтожены одним ударом. В дальнейшем немцы непрерывно оттачивали в Испании тактику удара по аэродромам. Так, на Северном фронте в 1936–1937 гг., где активно действовал «Легион Кондор», из 62 потерянных республиканцами И-15 и И-16 около трети (18 машин) было уничтожено на аэродроме бомбардировкой противника. Поэтому было бы большой ошибкой считать германский план уничтожения ВВС Красной Армии на аэродромах чем-то новым и из ряда вон выходящим в практике люфтваффе.

Исхлестанный снарядами 88-мм пушек бронеколпак «Линии Мажино». Через год теми же методами будут штурмоваться советские ДОТы на новой границе.

Следует отметить, что немецкий опыт в ударах по аэродромам на Западе в кампании 1940 г. часто неправильно оценивается, если не сказать сильнее – абсолютно неверно интерпретируется. Несмотря на то что к началу немецкого наступления 10 мая 1940 г. боевые действия длились уже много месяцев, эффект от ударов все равно оказался впечатляющим. Статистика потерь ВВС противников Германии на Западе показана в таблице.

Таблица. Безвозвратные потери авиации союзников 10 мая 1940 г.⁹

⁹ Кондратьев В. Статистика блицкрига // Авиапарк № 3, 2010. С. 23.

	На земле	От зенитного огня	В воздушных боях	Всего
Франция	68 (69 ²)	1	19	88 (89)
Великобритания	7	25	20	52
Бельгия	86 (133)	3	4	93 (140)
Нидерланды	62 (115)	1	33	96 (149)
Итого	223 (324)	30	76	329 (430)

Немцы осматривают сгоревший на летном поле французский истребитель MS.406.

Конечно, наиболее эффективными оказались авиаудары по аэродромам остававшейся до 10 мая 1940 г. нейтральной Бельгии. Причем хотелось бы отметить, что дело не ограничилось одним смертоносным налетом в утренние часы. Бельгийская эскадрилья 3/II/2 в 5.30 потеряла три «Фиата» CR.42 в ангаре на аэродроме Нивель (в том же ангаре сгорели еще 4 бомбардировщика Фейри «Бэтл»). Боеспособные самолеты из Нивеля были перегнаны на площадку у Брюстема. В 14.40, после доразведки, аэродром атаковали с бреющего истребителя Me-109, а в 15.25 за ними последовали пикировщики Ю-87 из I/StG2. Было потеряно сразу 14 «Фиатов», все безвозвратно.¹⁰ Эскадрилья перестала существовать, потеряв 14 из 15 своих самолетов. Всего же бельгийцы потеряли 86 машин, т. е. более половины довоенной численности своих ВВС. Голландцам «повезло» больше – их аэродромы немцы берегли для высадки десантов. Однако те аэродромы, которые не имели перспектив для посадки десантов, получили полную дозу авиаударов. Так, на аэродроме Берген эскадрилья новых двухмоторных истребителей Фоккер G.I в 5.20 утра была буквально разгромлена: 12 из 14 самолетов были уничтожены или серьезно повреждены и впоследствии брошены.¹¹ Аэродром Де Коой выдержал три атаки люфтваффе – в 7.50, в 8.40 и в 12.00. Шесть базировавшихся на этом аэродроме «Фоккеров» D.XXI эскадрильи 1-II-1 были повреждены еще утром (четыре позднее восстановлены), три сожжены в 12.00.¹² Только усилия механиков позволили избе-

¹⁰ Cornwell Peter D. The Battle of France. Then and Now. After the Battle. 2008. P. 198.

¹¹ Cornwell P. Op. cit. P. 193.

¹² Cornwell P. Op. cit. P. 192.

жать больших потерь и списания поврежденных самолетов (в том числе в воздушном бою при отражении налета).

В отношении ВВС союзников люфтваффе также добивались эффекта «спящего аэродрома», несмотря на продолжавшуюся уже довольно долго «странную войну». Наиболее результативным был налет на авиабазу в Альпрехе, где Хе-111 сожгли 12 купленных в США «Виндикейторов» и еще 12 были списаны из-за повреждений. На аэродроме Камбрэ-Нержин в результате налета немецких «Хейнкелей» были уничтожены 8 истребителей Моран-Сольнье MS.406, еще 5 получили тяжелые повреждения, 13 – более легкие.¹³ Точно так же, как в Бельгии (и, забегая вперед, в СССР тоже), немцы не ограничивались одним налетом в день, добиваясь нужного результата серией налетов на аэродромы. Причем воздействие было не только прямым, но и косвенным: французские бомбардировщики 10 мая 1940 г. не поднимались в воздух, налетов на перешедшие в наступление немецкие соединения со стороны французских ВВС в этот день не было.

Естественно, весьма интересным вопросом здесь становится «цена победы», т. е. собственные потери немцев при атаках на аэродромы. Стоила ли овчинка выделки? Люфтваффе потеряли в воздушных боях 10 мая 1940 г. 68 самолетов всех типов, еще 28 машин было сбито зенитками и 14 не вернулись с боевого задания.¹⁴ При этом бельгийские легчики могли записать на свой счет из числа реально потерянных 1 Do-17 и 2 He.111. Счет, прямо скажем, разгромный. В целом немецкие ВВС потеряли безвозвратно 110 (по другим данным 101) боевых самолетов. Потери противника, как мы видим, оказались в три раза большими. Общий результат дня 10 мая 1940 г. для немцев был несколько смазан потерями транспортников Ю-52, высаживавших десанты (еще 125 машин), но это уже совсем другая история. Операция против аэродромов союзников, Бельгии и Голландии, прошла вполне успешно.

Горящие на аэродроме самолеты Фейри «Фокс» бельгийских ВВС.

Неудивительно, что бомбардировки аэродромов стали важной частью воздушной войны против СССР. Причем опыт Бельгии и Голландии говорил о перспективности внезапного удара в момент перехода от мирного времени к военному, на который наложилась специфика состояния ВВС РККА в конкретном июне 1941 г.

Команда Ровеля. Важнейшую роль в успехе, достигнутом в июне 1941 г., сыграла немецкая воздушная разведка, проводившаяся еще до начала войны. Эти полеты прово-

¹³ Кондратьев В. Статистика блицкрига // Авиапарк № 3, 2010. С. 18.

¹⁴ Кондратьев В. Указ. соч. С. 23.

дились так называемой командой Ровеля (Kommando Rowehl), названной так по имени ее командира – полковника Тео Ровеля. Официально она называлась «разведывательная группа главнокомандования люфтваффе» (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe, сокращенно Aufkl. St. (F) /Ob. d. L.). Команда Ровеля была создана еще в 1933–1934 гг., когда люфтваффе еще официально не существовало в природе. Первоначально она использовала для разведки гражданские авиалайнеры. Надо сказать, что подопечные Ровеля не были новичками в небе СССР. Группа уже вела разведку в небе Советского Союза в середине 1930-х. Еще с 1934 г. немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Более того, один из самолетов команды Ровеля был потерян из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделялось вялыми протестами по дипломатическим каналам. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность Ровеля не прекращалась за исключением периода с сентября до декабря 1940 г., когда Гитлер запретил все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. Поэтому не следует думать, что в 1941 г. советское руководство внезапно впало в идиотизм. Деятельность немецких самолетов-разведчиков просто уже стала привычной.

Разбитые немецким авиаударом на аэродроме Брюстем «Фиаты» CR.42 бельгийских ВВС.

Команда Ровеля возобновила работу над территорией СССР в первые месяцы 1941 г. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая летала с аэродрома Краков в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Вопреки распространенному мнению, группа Ровеля не была поголовно вооружена высотными Ю-86Р. Первые три эскадрильи были вооружены преимущественно Дорнье-215, а также некоторым количеством Ю-88, Хе-111 и даже Ме-110. Высотные Ю-86Р попали в распоряжение команды Ровеля в 1940 г. и к 1941 г. были собраны в 4-й эскадрилье группы (пять Ю-86Р на апрель 1941 г.), известной также как «испытательный центр высотных полетов». Они летали с аэродромов в Бухаресте и Кракове. Всего командой Ровеля было выполнено свыше 500 полетов над территорией СССР.

Характерный профиль полета немецких разведчиков дает один из первых полетов группы Ровеля 6 января 1941 г. Самолет-разведчик пересек границу, углубился на 24 км и далее пролетел 161 км над советской территорией и вернулся обратно. Вглубь территории Советского Союза летали, конечно, только высотные самолеты. При отсутствии у СССР в

1941 г. сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тыс. метров были относительно безопасными. Но далеко не все полеты разведчиков проходили гладко. 15 апреля Ю-86Р, вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем из 46-го ИАП. Причем именно сбит, а не потерпел аварию. В упавшем самолете, согласно записи в журнале управления ПВО по учету нарушений границы немецкими самолетами, было обнаружено пять пулевых пробоин.¹⁵ Пилотировал советский самолет флагштурман полка старший лейтенант П. М. Шалунов.¹⁶

После аварийной посадки пилот Ю-86 унтер-офицер Шнец и наблюдатель унтер-офицер Вальтер были арестованы НКВД. Они успели привести в действие подрывные заряды, уничтожившие камеры и оборудование кабины,¹⁷ но серьезной уликой против них была обнаруженная в самолете топографическая карта приграничных районов СССР. Немцы на допросах утверждали, что всего лишь заблудились в ходе тренировок по слепым полетам. Сбитый Ю-86 нес гражданские опознавательные знаки. Согласно немецкой версии событий, оба были впоследствии освобождены наступающими немецкими частями и вернулись в команду Ровеля.

В общем случае сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой задачей. Драматичный случай, завершившийся потерей сразу двух новейших истребителей МиГ-3, произошел в Прибалтике 10 апреля 1941 г. В этот день была предпринята попытка перехвата неопознанного самолета, вторгнувшегося в воздушное пространство СССР на большой высоте. С одного из каунасских аэродромов поднялось звено советских истребителей из 31-го истребительного авиаполка 8-й смешанной авиадивизии. На аэродром в Каунасе вернулся только один из них, пилотирующий младшим лейтенантом Акимовым. Летчик Аксютин приземлился на парашюте, а младший лейтенант Евтушенко разбился в катастрофе. Все три МиГа из-за резких маневров на большой высоте и малых скоростях свалились в штопор, из которого благополучно вывел свой самолет только Акимов. Видимо, сказался недостаточный опыт пилотирования новой машины. Погибший летчик Евтушенко на МиГ-3 не летал вовсе, а на МиГ-1 выполнил 13 полетов по кругу, не поднимаясь выше 5 тыс. метров.

Причем общее отставание ВВС Красной Армии в матчасти приводило к тому, что была возможность совершенно безнаказанно действовать вполне обычным, не высотным самолетам-разведчикам. С 17 по 19 июня 1941 г. только истребители ВВС Северного флота выполнили 42 самолето-вылета на перехват немецких разведчиков.¹⁸ Однако летавшие на высоте 5000–8000 метров разведчики Ю-88 во всех случаях без проблем уходили на свою территорию. Более того, когда 19 июня 1941 г. перехват оказался относительно результативным, нарушителя удалось догнать, на звено «чаек» И-153 72-го САП последовала контратака истребителя Ме-110. Пилоты ВВС Северного флота летали на И-16, И-153 и И-15бис.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты команды Ровеля осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной их задачей было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. 21 июня 1941 г. 4-я эскадрилья команды Ровеля вернулась на место своего постоянного базирования, на аэродром Берлин-Рангсдорф, для продолжения разведки на Западе. Три остальные эскадрильи продолжили свою деятельность после начала войны. Результаты кропотливой работы «команды

¹⁵ Тимин М. Воздушное сражение 22 июня 1941 г. // *Авиация и космонавтика* № 1, 2016. С. 13.

¹⁶ Не вернулся из боевого вылета 7 августа 1942 г.

¹⁷ Thomas G., Kettley B. KG200. The Luftwaffe's most secret unit. Hikoki Publications, 2003. P. 28.

¹⁸ Марданов А. А. 1941: воздушная война в Заполярье. М.: Яуза-каталог, 2015. С. 19.

Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Подкалиберные снаряды. Летом 1941 г. советские танки новых типов, KV и Т-34, стали сюрпризом для вермахта. Однако было бы большой ошибкой считать, что сюрпризы преподносила только Красная Армия. Вермахт преподнес сюрприз в лице высокоэффективных противотанковых средств нового поколения. Этими средствами стали подкалиберные снаряды. Они состояли из поддона катушечной формы из мягкого металла и твердосплавного сердечника, как правило, из карбида вольфрама. Для снижения аэродинамического сопротивления головная часть снаряда формировалась из алюминиевого, пластикового или штампованного из листа баллистического наконечника. Такой снаряд был легче обычного бронебойного и разгонялся до высоких начальных скоростей. При попадании в танк баллистический наконечник сминался, и в броню впивался твердосплавный сердечник. За счет высокой скорости и меньшего калибра такой сердечник пробивал более толстую броню, чем обычный снаряд такого же калибра. Взрывчатого вещества такие снаряды не имели, только стакан с трассирующим составом. Однако при пробивании брони от нагрузок сердечник обычно разрушался, и множество раскаленных осколков поражали экипаж, боеприпасы и горячее боевой машины.

Высотный разведчик Ю-86Р (Ju86R) на аэродроме. Такие машины использовались «командой Ровеля» для разведки в глубине территории СССР.

Для немцев разработка подкалиберных снарядов была мерой на перспективу безотносительно имевшихся оценок советской военной мощи. Собственно, список врагов Третьего рейха не начинался и не заканчивался Советским Союзом. Это привело к тому, что новые боеприпасы повышенной эффективности были запущены в массовое производство. Они получили обозначение PzGr.40. По состоянию на 1 мая 1941 г. в вермахте насчитыва-

лось 86 700 подкалиберных 50-мм выстрелов к танковым пушкам.¹⁹ Производство мая и июня давало еще по 40 тыс. штук ежемесячно. Согласно производственным планам, предполагалось довести боезапас подкалиберных выстрелов до конца года до 600 тыс. штук, т. е. до 250 на ствол планового количества танков без учета потерь и расстрела в «Барбароссе». Для сравнения: обычных бронебойных снарядов предполагалось произвести 1 млн 380 тыс. штук и осколочных – 2 млн 100 тыс. штук. К 37-мм танковым пушкам танков чешского производства имелось на 1 мая 1941 г. 190 тыс. подкалиберных выстрелов. К 20-мм танковым (именно танковым, использовавшимся на танках Pz.II и в тяжелых бронеавтомобилях) пушкам на 1 мая 1941 г. имелось 115 тыс. подкалиберных снарядов, пробивавших 40-мм брони на дистанции 100 м.

Противотанковую артиллерию также не обделили технической новинкой. Для 37-мм ПАК-35/36 на 1 мая 1941 г. немцы располагали ни много ни мало 1 млн 150 тыс. подкалиберных выстрелов, а 50-мм ПАК-38 на ту же дату располагали 36 800 подкалиберными выстрелами. Май и июнь 1941 г. должны были добавить по 20 тыс. штук подкалиберных выстрелов для ПАК-38, являвшейся наиболее мощной немецкой специализированной противотанковой пушкой германской армии. На сотни тысяч шел счет наличия подкалиберных выстрелов для 28-мм ПТП и 20-мм пушек. Мало было подкалиберных выстрелов для 47-мм трофейных чешских орудий, использовавшихся на самоходных установках Panzerjäger I. На 1 мая 1941 г. они вообще отсутствовали в наличии, было лишь запланировано их поступление в мае и июне.

Можно даже сказать, что в германской армии имел место своего рода «подкалиберный психоз». Способствовали ему контрабандные поставки вольфрама в Третий рейх, пресечь которые союзникам удалось только во второй половине войны. На вооружении германских войск имелись даже 7,92-мм патроны к винтовкам и пулеметам, оснащенные пулей с твердосплавным подкалиберным сердечником марки S.m.K (H).²⁰ По опыту первых боев с советскими танками БТ на Украине относительно возможностей их поражения в одном из немецких донесений указывалось: «Бронебойный патрон (S.m.K [H]) пробивает лобовую и бортовую броню».²¹ Об их существовании, кстати говоря, в СССР было известно со времен войны в Испании. Маршал К. Е. Ворошилов еще в 1937 г. на одном из своих выступлений произнес такие слова: «стреляют и просто винтовками со специальной пулей, которые пробивают броню до 15 мм».²² Это не было городской легендой. Командир немецкой танковой группы, направленной в Испанию, подполковник Тома писал в Берлин о положительных результатах их использования еще 6 декабря 1936 г. Тома отмечал, что безусловное преимущество советских пушечных танков над немецкими пулеметными Pz.I было уравновешено использованием специальных 7,92-мм пуль S.m.K. H. Они оказались способны пробивать броню Т-26 на дистанции 120–150 метров, на 200 метрах уже лишь оставляли небольшую лунку на броне.²³ Эти выводы подтвердил опыт войны с СССР летом 1941 г., в отчете 1-й егерской дивизии указывалось, что 7,92-мм бронебойные пули «пробивают их [легких танков] броню с дистанции 150 метров, не считая маску орудия, где броня достигает двойной толщины». Разумеется, это не уравнивало шансы Pz.I в дуэльном столкновении с Т-26 и БТ, но расширяло номенклатуру средств немецкой армии, способных поражать советские танки.

¹⁹ Waffnen-Revue, № 33, S. 5279 (факсимиле документа).

²⁰ Spitzgeschosß mit Hartkern

²¹ NARA T313 R10 frame 7237005.

²² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 314.

²³ Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933—42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 46.

Многочисленные легкие танки и бронев автомобили Красной Армии могли быть выведены из строя, в том числе оружием пехоты при удачном попадании.

Новейшие средства поражения новых советских танков имелись уже в соединениях, стоявших ранним утром 22 июня 1941 г. на советской границе. Согласно графику бронепробиваемости противотанковых средств, розданному в войска перед началом «Барбароссы», уже имевшиеся снаряды вполне пробивали броню в 75 мм. График начинается со 120-мм, пробиваемых на 100 м подкалиберным снарядом ПАК-38. Как показала ближайшая практика, буквально в первые дни войны советский тяжелый танк КВ уверенно поражался с 400 м 50-мм подкалиберным снарядом противотанковой пушки ПАК-38. Да, подкалиберные снаряды не были панацеей, что заставило вести работы над 75-мм противотанковыми орудиями, дебютировавшими уже в 1942 г. Однако германские соединения, вопреки распространенному заблуждению, не были беззащитны перед советскими танками новых типов. Они обладали куда более внушительным арсеналом противотанковых средств, нежели, например, финская армия. Это в немалой степени уравнивало советское превосходство в бронетехнике, в том числе новых типов.

Изучение матчасти. На занятиях по устройству морской мины УМС. Технические новинки немцев в минном оружии не были прорывными, но осложнили жизнь морякам антигитлеровской коалиции.

Удар из глубины. Опыт войны с Финляндией помимо негативного опыта дал советскому флоту опыт успешного противостояния минным постановкам противника. Однако финны использовали мины устаревшей конструкции, не имевшие противотральной защиты. Также они содержали небольшой заряд взрывчатки.

Однако немцы ставили морские мины нового поколения типа ЕМС. Они снаряжались 285 кг «морской смеси» ТГА (тротил-гексоген-алюминий), что соответствовало при-

близительно 450 кг тротила. Это приводило к тяжелым повреждениям или даже разрушению корпуса подрывающихся кораблей и судов. Углубление мины могло составлять от 60 до 0,5 м, то есть они могли применяться даже против мелкосидящих тральщиков. Минимальный минный интервал – 130 м. Главной же особенностью немецких мин было наличие индивидуальной противотральной защиты. Последняя представляла собой стальную гофрированную трубку КА длиной 27,3 м, насаженную на верхнюю часть минрепа. При захвате резаком трала трубка не перерезалась им, а силой трения смещалась кверху, вследствие чего замыкался контакт, соединенный с запальным стаканом, и мина взрывалась электрическим током, поступавшим от специальной батареи. Трубка КА могла срабатывать также и при встрече с параванным охранителем. В этом случае смещение трубки кверху происходило либо при пересучивании ее поперек тралящей части охранителя, либо при попадании ее в резак паравана. Как выяснилось вскоре после начала войны, взрыв мины, захваченной параванным охранителем, мог произойти на различном расстоянии от борта корабля: от самого малого до 15–20 м. Иногда трубка КА срабатывала с некоторой затяжкой или же застревала в резак паравана и вовсе не срабатывала, вследствие чего мина подтягивалась близко к борту корабля. Это делало хорошо себя показавшие в финскую войну параваны-охранители скорее даже опасными для кораблей. Траление полей мин ЕМС также затруднялось и замедлялось противотральными устройствами.

Парадокс ситуации заключался в том, что в СССР имелись сведения о немецких новинках. А. В. Платонов пишет: «О наличии таких приспособлений в новейших немецких якорных минах стало известно в 1940 г., когда в Германии закупили несколько комплектов якорных мин и минных защитников различных образцов. В подчиненном Минно-торпедному управлению ВМФ Научно-исследовательском минно-торпедном институте подготовили описания этих образцов, переведенные с немецкого языка, но их не разослали на флоты».²⁴

Однако мины ЕМС с противотральной защитой были еще цветочками. Ягодками были неконтактные мины. Мины типа ТМВ предназначались для применения с подводных лодок, но ставились в основном с боевых катеров. Подлодочные мины типа ТМВ образца 1936 г. имели диаметр торпеды – 533 мм, но длину только 2,32 м. Они оснащались приборами срочности и кратности. Вес заряда мины составлял 560 кг, глубина постановки от 90 до 5 м. По состоянию на 22 июня 1941 г. перед неконтактными советский ВМФ оказался полностью безоружным. Иногда утверждается, что в СССР даже не подозревали о существовании неконтактных мин, но это не соответствует действительности. Однако средств для вытравливания этих мин по состоянию на 22 июня 1941 г. не было. Сглаживало проблему только сравнительно небольшое по масштабам использование неконтактных мин.

Одним словом, у границ СССР в ночь на 22 июня сосредоточилась армия, находившаяся на передовых рубежах тогдашней военной науки и располагавшая передовой боевой техникой. Все это только усугубляло эффект от упреждения в мобилизации и развертывании.

²⁴ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2005. С. 602.

Часть вторая

ПриБОВО. Предупрежден – значит вооружен?

Прибалтийский особый военный округ, с одной стороны, находился в выгодном положении в сравнении с другими округами. Он успел получить приказы на приведение войск в состояние повышенной боевой готовности еще до войны. С другой стороны, ПриБОВО являлся слабейшим из всех особых округов, но при этом в первый день войны попал под удар сразу двух танковых групп. Еще одним неблагоприятным фактором было крайне недружелюбное отношение со стороны местного населения. Эта проблема, так или иначе, проявлялась во всех приграничных областях СССР, но в Прибалтике имела, пожалуй, наибольшую остроту и негативные последствия.

Прибалтийский военный округ был создан 11 июля 1941 г. для защиты морских и сухопутных границ Советского Союза и обеспечения безопасности новых советских республик. Первоначально в его состав были включены только войска, дислоцировавшиеся на территории Латвийской и Литовской республик. Приказом НКО № 0190 от 17 августа 1940 г. округ был переименован в Прибалтийский особый военный округ (ПриБОВО) с включением в него территории Эстонской ССР. Одновременно национальные армии прибалтийских государств были реформированы в 22, 24 и 29-й территориальные стрелковые корпуса Красной Армии. С началом боевых действий Прибалтийский особый военный округ становился Северо-Западным фронтом.

В июне 1941 г. в подчинении округа находились 19 стрелковых дивизий, 2 мехкорпуса (4 тд, 2 мд), 1 стрелковая бригада (на Сааремаа) и 1 воздушно-десантный корпус. Они объединялись управлениями трех армий: 8, 11-й и 27-й.

8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова состояла из двух стрелковых корпусов: 10-го (10-я и 90-я стрелковые дивизии) и 11-го (48-я и 125-я стрелковые дивизии), а также 12-го механизированного корпуса. С началом военных действий в ее оперативное подчинение поступали два укрепленных района (УР), 9-я артиллерийская противотанковая бригада, а также 7-я смешанная авиационная дивизия (САД).

Соответственно 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова были подчинены 16-й стрелковый корпус (5, 33 и 188-я стрелковые дивизии) и 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии), 23, 126 и 128-я стрелковые дивизии (подчиненные непосредственно 11-й А), а также 3-й механизированный корпус. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий армии генерала Морозова составляла от 9201 до 11 260 человек. Исключение составляли соединения 29-го территориального стрелкового корпуса. Они содержались по штатам сокращенного состава и насчитывали: 179-я – 5947 и 184-я – 5994 человека. В значительной степени это объяснялось недоверием к национальным кадрам. С началом военных действий в оперативное подчинение армии передавались два УРа, 10-я ПТАБР и 8-я САД.

Войска 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н. Э. Берзарин, располагались в глубине построения войск округа. Две дивизии этой армии находились на побережье Балтийского моря от Таллина до Лиепая, а 3-я отдельная стрелковая бригада – на островах Хиума и Сааремаа.

Укрепленные районы. Строительство укреплений на границе по понятным причинам началось в Прибалтике позже других направлений и поэтому находилось к началу войны в зачаточной стадии. По свидетельству помощника начальника отдела Инженерных войск Ленфронта майора Захарьина, принимавшего в 1941 г. участие в работах по строительству оборонительного рубежа на госгранице, укрепление границы Литовской ССР с Германией

началось фактически лишь с весны 1941 г., до начала 1941 г. успели провести лишь рекогносцировку укрепрайонов.

Надо сказать, что советское военное руководство осознавало запаздывание с началом строительства на появившейся летом 1940 г. новой границе в Прибалтике. В 1941 г. было решено наверстать упущенное. Соответственно, из выделенных на фортификационное строительство 1941 г. 1 млрд 181,4 млн рублей около 50 % предназначалось для ПриБОВО, 25 % – для ЗапОВО и 9 % – для КОВО. Всего на оборонительное строительство в ПриБОВО предназначалось 458,9 млн рублей. Протяженность оборонительного рубежа от Балтийского моря до границы с Западным особым военным округом составляла около 350 км. К первой очереди строительства на этом рубеже относилось строительство 160 батальонных районов, в системе которых создавалось до 2000 бетонных долговременных сооружений.

На всем протяжении от Паланги (побережье Балтийского моря) до р. Неман на границе Литовской и Белорусской ССР было организовано восемь УНС (управлений начальника строительства) с фронтом 20–40 км. Каждое управление имело 3–5 участков военно-строительных работ (ВСУ) со строительной программой в 40–50 железобетонных долговременных фортификационных сооружений. По плану строительство 2000 сооружений в ПриБОВО предполагалось завершить осенью 1941 г. с производством монтажных работ зимой 1941/42 г. и полным окончанием работ к весне 1942 г.

Однако развертывание строительства проходило медленно. Вспоминал назначенный в марте 1941 г. начальником инженерных войск округа В. Ф. Зотов:

«Строительные организации, необходимые для выполнения оборонительных работ, еще только формировались, и призванные из запаса для их укомплектования 2500 командиров только что прибывали. Саперные и строительные батальоны тоже только что стали прибывать из внутренних округов. Строительной техники было весьма мало. Например, камнедробилок на строительстве имелось всего лишь несколько штук, это в то время, когда в течение двух-трех месяцев необходимо было изготовить до 1,5 млн кубометров щебня. Автотранспортом мы обеспечивались не более чем на 25 % потребности. Осложняли нашу работу и плохие дороги; в районе строительства мы располагали только грунтовыми дорогами, проезд по которым в весеннее время для автотранспорта оказывался крайне затруднительным, а это означало, что помимо автотранспорта требовался и конный транспорт».²⁵

²⁵ Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта//На Северо-Западном фронте М.: Наука, 1969. С. 170.

Командующий Прибалтийским особым округом Ф. И. Кузнецов.

Вышеупомянутый майор Захарьин работал инженером-фортификатором УНС-3, а поэтому дает характеристику хода работ в рамках всего строительства. УНС-3 производило строительство на участке границы Литовской ССР с Германией, запирающем направление из р-на Сувалкской области на Лаздней, Каунас. Чтобы дать представление о состоянии строительства, остановимся на ряде развертываний работ УНС-3, которые являются до некоторой степени типичными и для всех остальных УНС.

УНС-3 и входящие в него три участка были в основном сформированы к 15.3.41 и 20.3.41 прибыли в г. Лаздней. С первых чисел апреля они развернулись на своих местах и с помощью местного населения приступили к заготовке строительных материалов (сбор камня и вывозка его к дорогам). В начале мая в УНС прибыли два строительных батальона и начали поступать механизмы, инструменты и материал. К концу мая на участках были организованы стройдворы и начали работать камнедробилки, а на двух участках приступили к земляным работам. Лишь в первых числах июня 1941 г. на всех участках были развернуты основные работы на объектах. При этом следует иметь в виду, что период затвердевания бетона в ДОС составлял по нормам 28 дней.

Как уже упоминалось, в составе УНС-3 было создано три ВСУ. Фронт каждого составлял приблизительно 7 км с глубиной 5–6 км. В каждом из них было намечено строительство 40–50 долговременных железобетонных сооружений и в районе Лаздний – подземное железобетонное сооружение – КП. Передний край обороны был выбран вплотную к госгранице, передовые фортификационные сооружения отстояли от границы на 50–200 метров и благодаря открытой местности полностью просматривались со стороны противника. Строительство началось по всему фронту управления и по всей глубине участка.

В результате к 15 июня 1941 г. на каждом участке имелось по 6–9 забетонированных сооружений, находящихся еще в опалубке, без амбразур и вооружения. 16 июня 1941 г. была получена директива о срочном (в течение 10 дней) приведении в боевую готовность забетонированных сооружений путем закладки амбразурных проемов мешками с землей, заделки их деревом и установки в них вооружения полевого типа. УНС-3 приступило к этой работе, продолжая одновременно бетонирование новых объектов. Всего в результате проведенных работ на 22 июня 1941 г. было забетонировано 23 сооружения, но они еще находились в опалубке, не были закончены, не имели вооружения и в довершение всего не были заняты войсками.

Однако справедливости ради необходимо сказать, что УНС-3 не было лидером в строительстве укреплений. В. Ф. Зотов вспоминал: «Из строительных управлений наиболее четко и организованно вело работы 5-е управление, начальником которого был подполковник И. П. Корявко. Оно осуществляло строительные работы на правом фланге оборонительного рубежа в районе Паланги, Кретинга».²⁶

Если обратиться к сухим цифрам, то результаты форсированного строительства были следующие. Из 458,9 млн рублей в ПриБОВО было освоено 126,8 млн рублей. Полоса обороны ПриБОВО разделялась на четыре укрепрайона: Тельшайский, Шяуляйский, Каунасский и Алитусский. В Тельшайском УРе в стадии строительства находилось 366 долговременных сооружений (ДОС) на фронте 75 км. Успели построить 23 ДОС, но ни одно из них не было боеготовым к началу войны. В Шяуляйском УРе строились 403 ДОС на фронте 90 км, построили 27, боеготовые отсутствовали. Сильнейшим в Прибалтике должен был стать Каунасский УР – 599 ДОС на фронте 90 км. Однако построить успели 31 ДОС, боеготовых среди них не было. Алитусский УР не выбивался из общего ряда: 273 ДОС, построено 20, боеготовых нет.

Несмотря на достаточно условную готовность сооружений, укрепрайоны поглощали не только рабочую силу и стройматериалы, но и командный состав. В июне 1941 г. в ПриБОВО началось формирование уровских частей для всех четырех укрепрайонов: десяти пулеметно-артиллерийских батальонов, по роте связи, саперной роте в каждом УРе, артиллерийских дивизионов. Происходило все это за счет ресурсов округа. Как отмечалось в ЖБД 16-го стрелкового корпуса, «С формированием частей УР за счет дивизий в корпусе образовался большой некомплект начсостава. В стрелковых ротах осталось по одному среднему командиру».

Таким образом, в отличие от других направлений, ПриБОВО не располагал к началу войны системой долговременной фортификации, которая могла бы сдерживать первый натиск сил вторжения и дать опору стрелковым частям армий прикрытия границы. С учетом изъятия комсостава, эффект от строительства четырех УРов был скорее отрицательным.

Последние мирные дни. Непосредственно у государственной границы находились от Балтийского побережья до Аусгаллен: 10, 90 и 125-я стрелковые дивизии 8-й армии, от р. Неман до Копциово – 5, 33, 188 и 128-я стрелковые дивизии 11-й армии. Следует подчеркнуть, что в массе своей эти соединения еще находились в лагерях, а не в окопах и блиндажах

²⁶ Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта // На Северо-Западном фронте М.: Наука, 1969. С. 171.

на линии УРов. Так, 5-я и 188-я стрелковые дивизии, корпусные артполки, батальон связи корпуса и штаб корпуса располагались в летнем лагере северо-западнее Козловой Руды (45–50 км от границы). 33-я стрелковая дивизия находилась еще на зимних квартирах в городе Мариамполь и Волковышки. Собственно, на линию границы от каждой стрелковой дивизии 16-го корпуса 11-й армии привлекалось по четыре стрелковых батальона, по три батареи полковой артиллерии и по дивизиону артиллерии на конной тяге.

Генерал-майор Г. Н. Шафаренко из 188-й стрелковой дивизии вспоминал:

«Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные – как говорят, «занимались по расписанию»... В соответствии с директивой командующего округом... утром 20 июня командир дивизии Иванов П. И. провел совещание командиров частей и приказал им на следующий день провести рекогносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся там строительные батальоны.

21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях. Туда же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевать на границе... Почти на 40-километровом фронте от Кибартай и южнее до оз. Вишптиспис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов».

Командующий группой армий «Север» фон Лееб.

Учитывая широкие полосы обороны соединений, такие силы лишь несколько усиливали охрану границы пограничниками. Эта картина была достаточно типичной для особых округов 22 июня 1941 г.

Столь же типичным для приграничных округов было наличие так называемых «глубинных» соединений, находящихся в процессе выдвижения к границе. В случае Прибалтий-

ского особого военного округа это были 11, 16, 23, 126 и 183-я стрелковые дивизии, которые совершали переброску или марши из летних лагерей или зимних квартир к границе. Еще одну группу составляли 179, 180, 181, 182, 184 и 185-я стрелковые дивизии, находившиеся в летних лагерях и на зимних квартирах. Они никуда не выдвигались. Здесь уже, скорее, имела место специфика ПрибОВО. Это были соединения, сформированные из дивизий армий прибалтийских государств.

Офицерский состав этих соединений не вызывал у командования Красной Армии должного доверия. Начальник штаба 29-го территориального стрелкового корпуса вспоминал: «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса 19 июня 1941 г. – *А. И.*) было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса. ...»

В журнале боевых действий Северо-Западного фронта было прямо сказано: «Сосредоточение войск СЗФ опаздывало на 5–7 суток». Далее эта мысль развивалась: «Главный же вывод для войск СЗФ заключался в том, что немцы при такой группировке имели полную возможность бить наши войска по частям, т. е. в первую очередь части прикрытия 7–8 сд, потом мотомех. части – 12 и 3 мк и наконец резервы, которые подходили на 5–7-е сутки войны».²⁷

18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф. И. Кузнецова о «приведении в боевую готовность театра военных действий». По этому приказу в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер Ф. И. Кузнецов предписывал «создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет саперных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.6.41 г. Готовность отрядов 21.6.41 г.». Также Ф. И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвигению к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23.10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23.00 18 июня соединения и части мехкорпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 221, Оп. 1351, Д. 200, Л. 2.

Тем временем признаки готовящегося вторжения становились все более очевидными. Последней каплей стали сообщения перебежчиков с немецкой стороны. В итоге в войска из Москвы был направлен документ, оставшийся в истории как Директива № 1. В нем говорилось:

«Военным советам ЛВО, ПриБОВО,
апОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару
Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 московского времени 22 июня 1941 года.

Мастера «блицкрига»: 4-я танковая группа

В 3.05 утра 1941 г. берлинского времени по всей границе между СССР и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. Артиллерийская группировка вермахта в Прибалтике не поражает ни количественно, ни качественно. Тем не менее для громкого и убийственного «концерта» орудий было достаточно. В журнале боевых действий (ЖБД) 1-й танковой дивизии появляется запись: «Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массивного артиллерийского огня батальоны начинают атаку». В истории соединения этот момент описан так: «еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загрели связанные и сосредоточенные заряды. Предраассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров».²⁹ Война Германии против Советского Союза началась.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день войны стал для солдат и командиров Красной Армии. Приближение войны чувствовали, к ней готовились. В тот первый день еще никто не знал, что впереди ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало войны описано живо, даже поэтично: «В 4.20 оперативный дежурный майор Андрущенко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «на всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку». Одновременно с этим начальник штаба 8 армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск генерал-майором Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Таурогген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00».³⁰

Танк Pz.IV 6-й танковой дивизии. Фрагмент гусеничной цепи давал дополнительную защиту машины.

²⁹ Stoves Rolf, 1. Panzer-Division 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe, Podzun, 1962, S.185. Перевод дается по статье Анатолия Хаеша «Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22–26 июня 1941 года».

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 344, Оп. 5554, Д. 85, Л. 2.

Любопытно отметить, что немцы записали начало артподготовки в 3.05 берлинского времени, т. е. 4.05 московского времени. Советская же сторона записывает начало артподготовки на 4.00 ровно. Здесь хорошо видна разница между нападающими и обороняющимся. Немецкие солдаты и командиры поминутно смотрели на циферблаты часов и нетерпеливо ждали, когда стрелки покажут заветные пять минут четвертого. Командиры Красной Армии слышали грохот канонады и, глянув на часы, мысленно вычли несколько минут – первые залпы показались им вечностью. Столь же настойчиво в советских документах отмечается длительность немецкой артподготовки. В журнале боевых действий 11-го стрелкового корпуса указывалось: «Артподготовка по переднему краю продолжалась в течение 3,5 часа».³¹ На самом деле даже на направлении главного удара 4-й танковой группы она была достаточно короткой.

Колонна 6-й танковой дивизии на выжженной июньским солнцем улице городка в Восточной Пруссии.

Довольно часто можно встретить утверждение, что катастрофы летом 1941 г. можно было бы легко избежать, если бы 20–21 июня из Москвы последовал приказ армиям прикрытия привести войска в боевую готовность и занять оборону в УРах. Однако у нас есть прекрасный пример того, как развивались бы события, если бы соединения первого эшелона во всех армиях прикрытия все же встретили агрессора на позициях на границе. Это боевые действия в полосе 125-й стрелковой дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта. Можно даже сказать, что перед нами даже несколько идеализированный вариант расположения соединения Красной Армии на границе. 125-я дивизия мало того, что заблаговременно села в укрепления, она заняла позиции в глубине. Непосредственно на границе было лишь

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 833, Оп. 1, Д. 6, Л. 5.

боевое охранение. Соответственно, у обороняющегося была небольшая, но ощутимая фора по времени, за которое противник проходит предполье. Комплектность 125-й стрелковой дивизии была, по меркам 1941 г., хорошая. На 21 июня она насчитывала 10 522 человека. В дивизии было много самозарядок Токарева – в соединении имелось 8190 обычных винтовок и 3630 самозарядных. Помимо этого дивизия располагала 813 пистолетами-пулеметами ППД. Такой высокий уровень оснащения автоматическим оружием был редкостью даже в армиях приграничных округов. Разница в количестве единиц стрелкового оружия и численности личного состава дивизии, очевидно, объясняется наличием запаса для вооружения призываемых по мобилизации. Артиллерией соединение было укомплектовано практически по штату. Одним словом, 125-я стрелковая дивизия генерал-майора П. П. Богайчука была крепкой боевой единицей даже с учетом ее неотмобилизованности.

Дивизия генерала Богайчука строила оборону в два эшелона. 657-й стрелковый полк занимал оборону юго-восточнее Таураге на участке 12 км, 466-й полк – северо-западнее Таураге на участке шириной 13 км, 149-й полк находился в резерве командира дивизии и был сосредоточен в районе севернее Таураге. Таким образом, полки получили полосу обороны, полагающуюся по уставу для всей дивизии. Напомню, что согласно проекту Полевого устава 1939 г. (ПУ-39): «На нормальном фронте стрелковая дивизия может успешно оборонять полосу шириной по фронту 8–12 км и в глубину 4–6 км; стрелковый полк – участок по фронту 3–5 км и в глубину 2,5–3 км». Здесь следует заметить, что уставные плотности обороны не берутся с потолка. Они являются производной от технических возможностей оружия соединения, а также маршевых возможностей ее подразделений.

Противник у 125-й стрелковой дивизии 22 июня был весьма серьезный – соединение находилось в полосе наступления XLI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие танковые и моторизованные части вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь с 21 на 22 июня 1-я и 6-я танковые дивизии XXXXI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе. Советской разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была. Впоследствии это станет типичной ситуацией для начального периода войны. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новый район сосредоточения и наносили сокрушительные удары. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование, соответственно, реагировать на них. По такому сценарию впоследствии развивалась катастрофа Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 г., Западного и Брянского фронтов на дальних подступах к Москве в октябре 1941 г. В первый день войны произошла генеральная репетиция будущих прорывов. Две немецкие танковые дивизии атаковали с марша после короткой, 5-минутной, артиллерийской подготовки по выявленным целям на советской территории.

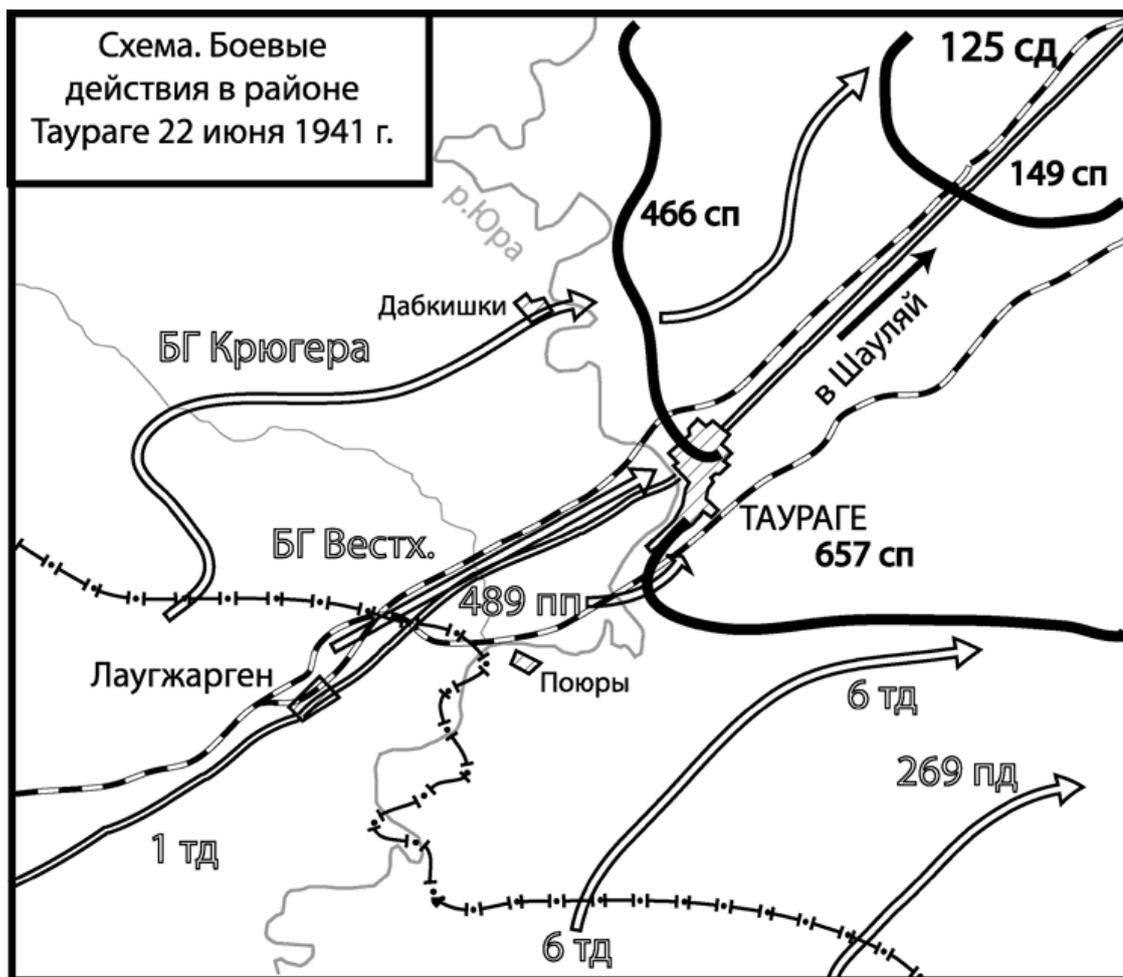
Непосредственно вдоль шоссе на Шяуляй наносила удар 1-я танковая дивизия. Соединение относилось к одному из первых сформированных в вермахте подвижных соединений нового поколения. 1-я танковая дивизия стала одним из главных участников «блицкрига» на Западе в 1940 г. Командир соединения генерал-лейтенант Кирхнер получил Рыцарский крест 20 мая 1940 г. за свои успешные действия в прорыве к Маасу. Дивизия Кирхнера подчинялась XLI моторизованному корпусу генерала танковых войск Георга Рейнгардта, также сыгравшего большую роль в прорыве к Маасу и в «блицкриге» 1940 г. в целом (тогда корпусу подчинялись 6-я и 8-я тд). Одним словом, на советские войска должна была обрушиться сила, только что сокрушившая Французскую Республику. Мало кто из стоявших на границах СССР соединений обладал сравнимым опытом «молниеносной войны».

Использование крупного шоссе в качестве оси наступления было типичным решением для немецких «блицкригов». Также традиционно для немецкой практики боевых действий

1-я танковая дивизия была разбита на боевые группы, наступавшие по параллельным маршрутам. Первая, так называемая боевая группа Вестховена, была «мотопехотной». Она строилась вокруг мотопехотного полка, и ей была придана всего одна смешанная рота танков. Соответственно, вторая группа была «танковой». Она называлась боевая группа Крюгера и объединяла танковый и мотопехотный полки. Лидером каждой боевой группы была «бронегруппа» из танков и батальона на БТР. Только в одном случае это была рота (18 машин), а в другом – почти два батальона танков. Следует особо подчеркнуть, что 1-я танковая дивизия была уникальным для вермахта соединением с двумя батальонами на БТРах в своем составе. Она одна могла формировать полноценную «бронегруппу», даже две. Такая бронегруппа могла уверенно преодолевать участки заградительного огня ввиду того, что БТРы защищали мотострелков от осколков снарядов. Пожалуй, не хватало только самоходной артиллерии с гаубицами – они появились только в 1943 г., с принятием немцами на вооружение САУ «Хуммель» и «Веспе».

Еще одно фото той же колонны 6-й тд.

Впереди группы Крюгера наступала ударная группа Кнопфа (37-й саперный батальон 1-й тд с ротой танков 1-го тп). Саперы расчищали дорогу танкам. Это было актуально: на карте действий 1-й тд 22 июня обозначены противотанковые рвы, которые пришлось преодолевать. Причем в составе 37-го батальона имелось 15 танков Pz.I в инженерной модификации. Инженерное обеспечение действий танков стало одним из «ноу хау» Второй мировой. В Красной Армии оно было отлажено во второй половине войны.

Момент внезапности было решено использовать по максимуму. Крюгером был сформирован передовой отряд из 10 Pz.III, 2 Pz.IV, мотопехоты на 16 БТРах, двух самоходных 20-мм зенитных автоматов и батареи легких гаубиц. Он начал наступление уже в 3.00 берлинского времени. Отряд быстро прорвался через реку Юру благодаря найденному броду у деревни Дабкишки, к западу от Таураге. Позднее вслед за передовым отрядом к броду вышли главные силы боевой группы Крюгера.

В первые минуты вторжения сопротивление немецким частям носит разрозненный характер. В ЖБД 4-й танковой группы с удовлетворением констатируется: «Оба корпуса поначалу докладывают о слабом сопротивлении врага. В 4.30 поступают первые сообщения о достигнутых целях».³²

На преодоление предполья 1-я танковая дивизия затратила примерно два часа. Выделенные для обороны предполья советские стрелковые роты были окружены и упорно бились в полной изоляции. Одним из преимуществ, которое было у немцев в первый день войны, являлась возможность наступать вместе с пехотой. В дальнейшем моторизованные корпуса

³² NARA T313 R330 frame 8611350.

вырывались на оперативный простор, оставляя пехотные дивизии далеко позади. 22 июня 1-й танковой дивизии был подчинен 489-й пехотный полк. Это усиливало пехотное звено ударной группировки 4-й танковой группы, снимая нагрузку с ценнейшей мотопехоты и избавляя от потерь. Собственно, 489-й полк сумел первым воспользоваться плодами внезапного нападения. Около 5.00 утра берлинского времени полк захватил железнодорожный мост через р. Юра к юго-востоку от Таураге и начал продвигаться к городу, не встречая более естественных препятствий на своем пути.

Город уже был подготовлен к штурму мощным ударом немецкой артиллерии. Генерал-лейтенант В. Ф. Зотов, находившийся в начале войны в Таураге, вспоминал: «В 4.00³³ 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов... От взрыва первых же снарядов загорелся дом, где размещался штаб 125-й стрелковой дивизии... Город обстреливался ураганным огнем вражеской артиллерии. Зная, что в городе постройки в основном деревянные, враг вел огонь главным образом зажигательными снарядами, вследствие этого через 15–20 минут после начала артиллерийского обстрела город горел». Однако, если в отношении времени начала артподготовки и ее длительности данные сторон расходятся, и в советских, и в немецких источниках она признается весьма результативной. В ЖБД 4-й танковой группы указывается: «Наступление начинается с короткого и эффективного артиллерийского удара на Тауроген. В нем участвуют 30 батарей со 120 орудиями. Запланированное шоковое воздействие этого удара становится реальностью».³⁴

Выше уже говорилось, что незавершенное строительство укрепрайонов имело скорее отрицательное воздействие на боеспособность округа. Утром 22 июня 1941 г. этот факт получил дополнительное подтверждение. В ЖБД 8-й армии этот момент описан достаточно откровенно: «Деморализующее влияние на части, особенно на участке 125-й сд, оказали строительные батальоны, не имевшие никакого вооружения и в полном беспорядке бежавшие в тыл».³⁵ Все это движение тысяч человек с фронта в глубину было отлично видно немцам с самолетов-разведчиков. В ЖБД 4-й танковой группы описывается эпическая картина: «Уже в 4.00 приходит сообщение от авиации, что 30–40 грузовиков с пехотой мчатся на северо-восток по дороге Тауроген – Шаулен [Таураге – Шяуляй], рядом с ними беспорядочно бежит пехота. Похоже, русские отходят».³⁶

Однако, несмотря на все это, 125-я стрелковая дивизия дала бой. Солдаты регулярных частей все же знали разницу между собой и безоружными военными строителями. Сжимая в руках самозарядки Токарева, бойцы 125-й сд ждали вражеской атаки. «Танковая» боевая группа 1-й танковой дивизии (Крюгера) должна была наступать проселочными дорогами параллельно шоссе на Шяуляй. В этой боевой группе была сосредоточена основная масса танков соединения. Разделение боевых групп между несколькими маршрутами позволяло эффективнее использовать имеющиеся силы. Если одна боевая группа застревала, то продвижение второй и угроза тылу могли заставить противника отходить. Также успешнее наступавшая боевая группа могла нанести удар во фланг и тыл обороне перед фронтом своего соседа. Именно по такой модели действовала «танковая» боевая группа 1-й тд утром 22 июня 1941 г.

³³ Снова 4.00, за пять минут до реального начала немецкой артподготовки. – *Прим. авт.*

³⁴ NARA T313 R330 frame 8611350.

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 8 Л. 7.

³⁶ NARA T313 R330 frame 8611350.

Бронетранспортеры 113-го мотострелкового полка 1-й танковой дивизии под Таураге.

Успешные действия передового отряда ранним утром 22 июня обеспечили прорыв основной массы боевой группы Крюгера в глубину советской обороны. В ЖБД 1-й танковой дивизии события, происходившие около 5.00 берлинского времени, описываются следующим образом: «I батальон 113-го сп³⁷ встретил сильное сопротивление на Юре. 1-й тп пересекает Юру вброд и, преодолевая сильное сопротивление противника, медленно продвигается на другом берегу».³⁸ Читая эти строки, нельзя не восхититься профессионализмом бойцов и командиров 125-й сд: большинство ее танкового парка составляли Pz.III и Pz.IV последних модификаций, которые были практически неуязвимы для 45-мм противотанковых пушек. Если судить по имеющимся советским источникам, атакованный группой Крюгера 466-й стрелковый полк получил в качестве поддержки гаубичный артполк 125-й сд, т. е. наиболее подходящие для борьбы с танками 76-мм пушки были у левофлангового 467-го полка.

³⁷ Напомню, что это был батальон на БТРах.

³⁸ NARA T315 R16 frame 932.

Уличный бой в Таураге.

По плану наступления 1-й танковой дивизии предполагался вариант, когда группа Крюгера будет направлена вперед, по шоссе на Шяуляй, невзирая на остающиеся очаги сопротивления. Это должно было произойти по кодовому слову «Цитен». Однако в условиях тяжелого боя за Таураге генерал Кирхнер не стал брать на себя ответственность за вывод из сражения группы Крюгера. Передача сигнала «Цитен» была отложена.

Главные силы группы Крюгера подошли к Юре к 12.00 22 июня. По пути им пришлось обезвреживать минные поля (которые все же успели установить) и преодолевать бетонные пограничные укрепления. Для их штурма была задействована мотопехота и часть танков.

Тем временем «пехотная» боевая группа 1-й тд атакует Тауроген в лоб, вдоль шоссе. В ЖБД ХLI корпуса отмечается: «06.50 – Боевая группа Вестховена (1-я тд) захватывает после тяжелого кровопролитного боя разрушенный шоссейный мост через Юру и формирует небольшой плацдарм в южной части Таурогена. Наступающие на Тауроген силы попали под сильный артобстрел – всего установлено присутствие 13 вражеских батарей – и были многократно атакованы вражеской авиацией».³⁹ Шоссейный мост через реку Юра был взорван, однако в руки наступающих немцев попадает неповрежденным железнодорожный мост. Всего в районе Таураге немцам удалось с ходу захватить неповрежденными два из трех мостов через реку.

Может возникнуть закономерный вопрос: а как же диверсанты «Бранденбурга»? Действительно, 1-й танковой дивизии была придана группа обер-фельдфебеля Вернера из 8-й роты 800-го «учебного» полка «Бранденбург». 21 июня группа отправилась в штаб 1-й тд.

³⁹ NARA T314 R979 frame 283.

Численность группы составляла 3 унтер-офицера и 46 солдат, плюс 3 литовца – агенты и переводчики. Она располагала 5 грузовиками Опель «Блиц» (никаких советских «полуторок» еще не было) и 1 мотоциклом.⁴⁰ В 2.30 ночи группа прибыла в штаб 1-й тд, однако... не получила никаких указаний. Возможно, если бы командование дивизии поставило «бранденбургцам» задачу на захват шоссевого моста, он не был бы взорван. Однако это только на страницах художественной и публицистической литературы немецкие диверсанты уже все заранее знают и ко всему готовы. Реально 22 июня 1941 г. «бранденбургеры» еще не ориентировались в обстановке и только вникали в специфику войны на Восточном фронте. Не получив никаких приказов, в 8.00 Вернер и командир другой группы Хартунг едут в Таураге в роли мародеров, чтобы найти брошенную советскими частями технику, вооружение, обмундирование и документы. Как отмечалось в отчете группы Вернера – без особого успеха. Звездный час группы Вернера наступил на следующий день, 23 июня, когда был успешно захвачен важнейший для снабжения всей группы армий «Север» в целом железнодорожный мост у Людавеная. Захвачен он был, кстати, без маскировки и даже «полумаскировки»,⁴¹ т. е. в немецкой униформе.

Преодолев крутые берега реки Юры на БТРах, группа Вестховена ворвалась в город. Сражение за Таураге вылилось в напряженные уличные бои. В ЖБД 1-й танковой дивизии подчеркивалось: «В Тауроугене идут ожесточенные городские бои. Враг сражается упорно и ожесточенно. Появляются стрелки, ведущие огонь из засад. Гражданское население принимает участие в боях».⁴² Неясно, кто имелся в виду под «гражданским населением». Возможно – это гражданские специалисты или же сотрудники милиции города.

Параллельно пехотному бою шла дуэль между собственной и приданной артиллерией советского и немецкого соединений. Сильнейшим козырем обороны был 51-й корпусной артполк, вооруженный 36 152-мм гаубицами-пушками МЛ-20. В ЖБД 1-й танковой дивизии поединок с советской артиллерией описывается следующим образом: «Артиллерия противника бьет главным образом с западных опушек лесов восточнее Тауроугена. С ней ведет борьбу артиллерия 30-го артиллерийского командования».⁴³ Для борьбы с советской артиллерией ХLI корпус располагал 210-мм гаубицами и 10-см дальнобойными пушками. Вкупе с 150-мм гаубицами артиллерии 1-й тд и артиллерии усиления это давало достаточно сил и средств для выигрыша артиллерийской дуэли. В ЖБД ХLI корпуса также отмечается: «Сильный огонь вражеской артиллерии на всем фронте 1-й тд, левое крыло атакуют вражеские танки».⁴⁴ Если с артиллерией все понятно, то контратака танков составляет одну из загадок 22 июня 1941 г. «Левое крыло» – это как раз группа Крюгера. Что это были за танки – остается только гадать. Возможно, за танки были приняты броневики 125-й стрелковой дивизии. Не исключено, что к границе был выброшен с целью прояснения обстановки небольшой отряд из 202-й моторизованной дивизии (в явном виде этот отряд, однако, в документах 202-й мд и 12-го МК не обозначен). Приказ на ведение разведки у 202-й мд был. Сохранившиеся документы советской стороны ничего не говорят о каких-либо танковых атаках, предпринятых 22 июня. Вообще, одной из проблем изучения событий 1941 г. является плохая сохранность и невысокий уровень ведения оперативных документов частей особых округов. О реальных подвигах советских пехотинцев, артиллеристов и танкистов приходится узнавать из немецких «кригстагебухов»⁴⁵ и «гешихтов».⁴⁶

⁴⁰ NARA T313 R333 frame 8614603.

⁴¹ Использование отдельных элементов советской униформы.

⁴² NARA T315 R16 frame 932.

⁴³ NARA T315 R16 frame 932.

⁴⁴ NARA T314 R979 frame 284.

⁴⁵ КТВ – журнал боевых действий.

Командир ХLI моторизованного корпуса Ханс-Георг Рейнгардт в своем штабе (в очках).

Атака немецкой мотопехоты в сопровождении танков 35 (t).

⁴⁶ Истории соединений. Почти по каждой немецкой дивизии после войны вышла книга с описанием ее боевого пути, часто написанная на документальной основе. Авторами были ветераны и даже командиры соединений.

Уже в 11.00 берлинского времени для поддержки штурмующих Таураге боевых групп была подтянута тяжелая артиллерия.⁴⁷ С советской стороны город оборонял 657-й стрелковый полк майора С. К. Георгиевского.⁴⁸ Негативную роль в судьбе Таураге сыграл захваченный еще на рассвете железнодорожный мост, позволивший атаковать защитников города пехоте 489-го пехотного полка 269-й пд. В ЖБД 1-й тд этот факт отмечается особо: «Положение II батальона 1-го сп,⁴⁹ ведущего тяжелые бои, облегчает атакующий с юго-запада 489-й пп. Обеим боевым группам удается после упорных боев выйти к восточной окраине Тауругена. Сопротивление противника ослабевает».⁵⁰ Ход боев за Таураге переломили удары по городу с трех сторон, где основную роль играли многоопытные части 1-й тд с танками. В истории 1-й тд схватка за город описывается с большим уважением к противнику: «Таураге был взят в очень тяжелой борьбе с ожесточенно и упорно сопротивляющимся противником, превратившим почти каждый дом в маленькую крепость. Борьба разгоралась снова и снова также в тылу атакующих. Приходилось повторно создавать ударные группы из стрелков и танков, чтобы побороть особо упорные гнезда сопротивления». Это говорит о том, что советские стрелковые подразделения продолжали бой даже в условиях изоляции и потери управления.

Перелом в сражении за Таураге произошел в середине дня 22 июня 1941 г. Удар с трех сторон и противодействие советской артиллерии качеством и количеством (задавливание массой, проще говоря) привели к отходу сначала артиллерийских батарей, а затем и стрелковых частей. Это было замечено немцами наблюдением с воздуха: «Летчики докладывают об отходе вражеских батарей на Батакяй». Батакяй – это населенный пункт на шоссе на Шяуляй. Как указывается в ЖБД 8-й армии в описании положения 125-й сд во второй половине дня: «466 сп, потеряв до 40 % своего состава, приводился [в порядок] в районе м. Скаудавиле».⁵¹ Этот полк попал под удар группы Крюгера, потеря почти половины состава здесь не удивляет. Под Скаудавиле отошел также 51-й корпусной артополк. Относительно второго стрелкового полка 125-й сд указывалось: «657 сп, потеряв почти полностью 3-й б-н, удерживает район Лапсурвас, Юдпетри, Бальчишки» (населенные пункты юго-восточнее Таураге по оси железной дороги). Позиции удерживал 749-й полк, седлавший шоссе северо-восточнее Таураге.

Отход советской артиллерии стал для немцев поводом для отправки группе Крюгера сигнала «Цитен» на прорыв в направлении на Шяуляй. В 15.00 берлинского времени группа Крюгера начала движение от Таураге на северо-восток. Следует отметить, что она двигалась по проселочным дорогам, не по оси шоссе. Впрочем, для оснащенной БТРами, танками и скоростными полугусеничными тягачами боевой группы это не являлось серьезной проблемой. Однако темп движения был, разумеется, меньшим. Потратив примерно четыре часа на преодоление сопротивления советских войск в районе Рудукишкя, уже в темноте группа Крюгера выходит на шоссе и атакует Батакяй.

В то время как танки и БТРы группы Крюгера пробивались через дороги в лесах и болотах вглубь советской территории, бой за Таураге продолжался. Окончательно немцам удалось взять город под свой контроль только к 16.00 22 июня. Прочесывание города в поисках небольших групп советских солдат и командиров было поручено приданному 1-й тд пехотному полку. До поздней ночи в городе шли бои за каждый дом и каждый перекресток. Немецкая пехота прокладывала себе дорогу вперед с помощью огнеметов и подрывных заря-

⁴⁷ NARA T314 R979 frame 284.

⁴⁸ С. К. Георгиевский, по данным ОБД «Мемориал», пропал без вести в июне-июле 1941 г.

⁴⁹ Из группы Вестховена.

⁵⁰ NARA T315 R16 frame 932.

⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 8 Л. 14.

дов. Только к полуночи оборонявшие Таураге советские части были оттеснены на северо-восточные окраины города. Тем не менее следует признать, что «Сталинградом» он не стал. Взорванный шоссейный мост через Юру был во второй половине дня исправлен саперами. Наступление подвижных частей дивизии Кирхнера продолжалось. После полуночи группа Вестховена продвинулась на 10 км к северо-востоку от Таураге.

В одном из советских описаний боев под Таураге в первый день войны указывается: «Прорвав оборону передовых подразделений левофланговой 48 сд, которая не успела занять оборону, противник нанес удар по открытому флангу 125 сд и вынудил ее к отходу. Артиллерия своим огнем прикрывала отход частей дивизии».⁵² Утверждение о прорыве в полосе 48-й стрелковой дивизии не стыкуется с имеющимися документальными данными. Если говорить об обходе и ударе во фланг, то он имел место в результате действий боевой группы Крюгера, форсировавшей р. Юра и ударившей по Таураге с запада и удара полка 269-й пд с юга. Все эти события происходили в полосе 125-й стрелковой дивизии.

⁵² *Передельский Г. Е.* и др. Артиллерия в бою и операции. М.: Воениздат, 1980. С. 86.

Генерал-майор Франц Ландграф обсуждает обстановку с командиром 6-й мотострелковой бригады полковником Эрхардом Раусом.

Командир LVI моторизованного корпуса Э. фон Манштейн обсуждает обстановку с командиром 8-й танковой дивизии Э. Бранденбергером.

К концу дня боевая группа Крюгера продвинулась довольно далеко вперед по шоссе на Шяуляй. Части 125-й стрелковой дивизии на этом направлении были оттеснены в леса к северу от Таураге. Как мы видим, даже занявшая полноценные позиции 125-я стрелковая дивизия не сумела их удержать. Растянутость соединения по широкому фронту сделала свое дело. Это было очевидно уже тогда. Командование 125-й дивизии, оценивая результаты первого дня боев, отмечало: «Первоначальный успех противника на фронте дивизии (противник продвинулся за день на 12 км) объясняется его численным превосходством и тем, что дивизия вела бои на 40-километровом фронте. У нас не было танков, не хватало средств ПТО и транспорта для подвозки боеприпасов. Было мало ручных гранат».⁵³ На всякий случай отмечу, что к началу войны в дивизии был полный комплект штатных противотанковых орудий – 54 пушки калибром 45 мм. Дело тут, скорее, в технических возможностях «сорокапятки» поражать новые немецкие танки 1-й танковой дивизии. Артиллерии 125-й стрелковой дивизии, по немецким данным, были нанесены тяжелые потери уже в первый день войны. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии указывалось: «Установлено, что перед дивизией находился 466-й сп русской 125-й сд. Артиллерия этой дивизии, скорее всего, ликвидирована. 9 батарей уничтожено в бою, 5 – танками. В лесах северо-восточнее Таурогена захвачено много транспорта и орудий».⁵⁴ Скорее всего, танками переехали батареи гаубичного полка 125-й дивизии, поддерживавшие 466-й полк.

К слову сказать, у 125-й стрелковой дивизии была даже поддержка авиации. В район Таураге летал 40-й авиаполк скоростных бомбардировщиков 6-й САД. Однако эти налеты не впечатлили противника. Относительно обстановки в воздухе в первый день войны отзыв командования 1-й танковой дивизии был краток: «наше истребительное прикрытие эффективно, отдельные бессистемные бомбежки со стороны русских».

⁵³ Страшная цена победы, С. 261.

⁵⁴ NARA T315 R16 frame 934.

Впрочем, нельзя не отметить, что взлом обороны своевременно занявшей оборону советской стрелковой дивизии довольно дорого стоил немцам. Потери 1-й танковой дивизии (включая приданный ей 489-й пп) за день 22 июня 1941 г. составили 88 человек убитыми, 225 ранеными и 34 пропавшими без вести.⁵⁵ Это стало своего рода рекордом в летней кампании. В ЖБД XLI корпуса по итогам дня 22 июня было прямо сказано – «потери превышают нормальный уровень».

С наступлением ночи с 22 на 23 июня были уже, казалось, все предпосылки к постепенному затиханию боев. Обе стороны пережили долгий и трудный день, бои гремели с раннего утра. Солдатам был нужен отдых. Однако покой им только снился. В полночь противник вновь атаковал позиции 125-й стрелковой дивизии и заставили ее отступить дальше на Скаудавиле. Вслед за этим последовал удар «под дых». Ночью на штаб 125-й стрелковой дивизии было произведено внезапное нападение противника. Были убиты или пропали без вести ряд командиров штаба. Неясно, кем было совершена эта вылазка. Не исключено, что штаб атаковали специально обученные диверсанты. В истории войны есть подтвержденные эпизоды применения немцами так называемых «абвергрупп» для дезорганизации управления советскими частями и соединениями. На направлении главного удара использование таких спецподразделений представляется вполне вероятным и объяснимым. Возможно, это была просто одна из вырвавшихся вперед немецких частей. Полного разгрома советского штаба, впрочем, не произошло. Больше всего пострадало имущество батальона связи дивизии. Были уничтожены и разбиты почти все средства связи соединения. Это означало потерю управления отходящими полками. Более того, по данным на утро 23 июня, были убиты командир 466-го полка 125-й дивизии майор Г. Г. Гарипов и его заместитель по политической части. Полк был фактически обезглавлен. Командир 125-й сд генерал-майор П. П. Богайчук эту ночную атаку пережил. Он погибнет на командном пункте дивизии 21 декабря 1941 г. под Ленинградом.

Справа от 1-й танковой дивизии атаковала 6-я танковая дивизия того же XLI моторизованного корпуса. Она также была выдвинута к границе в ночь с 21 на 22 июня и перешла в наступление с марша. Достаточно часто немцы предпочитали ставить танковые дивизии одного корпуса в затылок друг другу, двигаясь по одной хорошей дороге. Такие примеры мы увидим далее, в Белоруссии и на Украине. Однако время от времени германские генералы выбирали наступление по двум неравноценным маршрутам с использованием ударной мощи сразу двух дивизий. Именно по такому сценарию была использована 6-я танковая дивизия в первые дни войны с СССР. В ее распоряжении не было крупных шоссе, дивизия двигалась по проселкам.

⁵⁵ NARA T315 R21 frame 508.

Первые пленные. Босой солдат справа, возможно, оказался в числе разбуженных вторжением врага.

Как вспоминал служивший в тот период в этом соединении полковник Ритген, «сопротивление противника в нашем секторе оказалось намного сильнее, чем ожидалось. Путь нам преграждали шесть противотанковых рвов, прикрывавшихся пехотинцами и снайперами, засевшими на деревьях. К счастью для нас, у них не было противотанковых пушек и мин. Поскольку никто не сдавался, пленных не было. Однако вскоре танки остались без боеприпасов, что до этого ни разу не случалось в ходе кампаний в Польше и Франции. Пополнение боеприпасов зависело от грузовиков, застрявших в пробке где-то позади».⁵⁶ По словам Ритгена, ни один мост на пути его дивизии не был взорван, однако их ограниченная грузоподъемность заставляла танки форсировать реки вброд. Интересно отметить, что именно в полосе 6-й танковой дивизии были использованы диверсанты «Бранденбурга». С их помощью был захвачен мост у селения Конгайлы на шоссе, идущем из Таураге строго на юг. Судя по карте, это мост даже не через реку, а через крупный овраг.

Вообще, об использовании «бранденбуржцев» ходит множество легенд и мифов. То они прячутся в вагонах и маршируют под «ать-два!», то они часами беседуют с военнослужащими Красной Армии, не раскрывая себя и выводя доверившихся им на засады. Реальное использование диверсантов «Бранденбурга» по своему характеру резко отличалось от всех этих красочных рассказов. Выше уже приводился пример с бездельничавшей 22 июня группой Вернера. Чаще всего диверсанты контактировали с солдатами и командирами Красной Армии считанные минуты, зачастую они плохо владели русским языком и использовали «полумаскировку», т. е. лишь отдельные элементы униформы – каски, пилотки, кители.

⁵⁶ The initial period of war on the eastern front. 22 June – august 1941, P. 112.

Однако дебют «бранденбуржцев» под Таураге выходит за границы даже этого достаточно прозаичного использования униформы и техники противника. Отчет о данном эпизоде сам по себе настолько карикатурен, что заслуживает цитирования целиком:

«Объект – шоссеый мост южнее Таурогена.

Задача – захватить мост, не допустить его взрыва и сформировать плацдарм.

Командование – обер-лейтенант Граберт с группой унтер-офицера Вирта (1 офицер, 2 унтер-офицера, 10 солдат).

Исполнение – в 19.00 21.6 обер-лейтенант Граберт отправился в 4-й сп,⁵⁷ который начнет наступление в 03.05 22.6. Поскольку нет местных агентов, а также данных о местности, взаимодействие с группой тоже не может быть отработано в достаточной степени для того, чтобы действовать переодетыми, обер-лейтенант Граберт начинает наступление вместе с ротой 4-го сп в немецкой униформе. Выйдя к мосту, он обнаруживает, что мост не охраняется и не подготовлен к взрыву.

Потери – обер-лейтенант Граберт ранен осколком в затылок, но остался в войсках».⁵⁸

Достаточно очевидно, что при минимальном сопротивлении данная миссия «бранденбуржцев», выполняемая даже без маскировки, была бы обречена на провал. Надо сказать, что именно этой группе «Бранденбурга» в июне 1941 г. везло. Последующие миссии также выполнялись даже без «полумаскировки», в лучшем случае посылкой вперед солдата в гражданской одежде, но чаще всего захватываемые объекты не охранялись. Противником 6-й танковой дивизии поначалу были левофланговые части 125-й стрелковой дивизии. Однако далее 6-я танковая дивизия повернула на восток, к Эржвилкасу.

Эрхард Раус, командовавший в июне 1941 г. 6-й стрелковой (моторизованной) бригадой 6-й танковой дивизии, впоследствии вспоминал: «Артиллерийская подготовка началась 22 июня 1941 года в 03.05, и вскоре связной «Шторх», использовавшийся в качестве разведчика, сообщил, что деревянные пулеметные вышки на окраинах Силине уничтожены. После этого 6-я танковая дивизия пересекла советскую границу к югу от Таурогена. Боевая группа «фон Зекендорф» ворвалась в деревню Силине и довольно быстро очистила дорогу на Кангайлай, хотя в лесу восточнее этого города 2 русские роты оказали исключительно упорное сопротивление. Наша пехота сумела подавить последний очаг только в 16.00, после тяжелого боя в лесу. Не обращая внимания на это препятствие, боевая группа «Раус» начала двигаться вперед. Именно она возглавляла наступление дивизии в эти утренние часы. Мост через реку Сесувис в Кангайлае попал в наши руки, и мы быстро разбили разрозненные группы противника, сопротивлявшиеся на открытой местности вокруг Мескай. Мы ожидали русской контратаки с северного берега Сесувиса, однако она так и не состоялась. Мои головные подразделения к вечеру достигли Эрцвилкаса».

⁵⁷ 6-й танковой дивизии.

⁵⁸ NARA T313 R333 frame 8614606.

Немецкий пулеметный расчет в бою.

Согласно документам, у Эржвилкаса (так правильно называется город, названный Раусом Эрцвилкасом) 6-я танковая дивизия оказывается только ночью, около 1.00 23 июня. Тем не менее, несмотря на наступление в темноте, задача дня для 6-й танковой дивизии – выход к реке Дубисса – выполнена не была. Если 1-я танковая дивизия уверенно неслась вперед вдоль Шяуляйского шоссе, 6-я танковая дивизия пожинала все трудности наступления по параллельному маршруту по проселочным дорогам. В ее журнале боевых действий констатировалось: «Движение группы Рауса до 12.30 очень медленное из-за болотистой почвы. Движение по лесной местности сопровождается непредвиденными сложностями. Боевая группа, движущаяся слева в полосе наступления К6,⁵⁹ застревает по дороге». Если дорожные трудности соединения переживали порознь, то остальные превратности войны доставались одновременно. Вечером 22 июня 6-я танковая дивизия была атакована двумя советскими бомбардировщиками, ставшими жертвами зенитных пушек, приданных соединению.

В наступлении XLI корпуса полки 269-й пехотной дивизии были использованы разрозненно. Один полк действовал совместно с 1-й тд, а два других – даже без локтевой связи с ним, справа от 6-й танковой дивизии. Первые шаги пехоты 269-й пд по советской территории были сделаны при минимальном противодействии советских частей. Однако вскоре сопротивление возрастает – немецкие пехотинцы под Гаврами натываются на левый фланг 657-го полка все той же 125-й стрелковой дивизии Богайчука. В ЖБД 269-й пд это описывалось так: «После короткой перегруппировки 490-й пп начинает наступление на позицию у Соколины, прорывает ее, не встречая существенного сопротивления, и сталкивается с серьезным противником только на плацдарме Гавры. Здесь дивизия впервые сталкивается с умело расположенными на местности и исключительно хорошо приспособленными к обороне ДЗО-Тами, которые враг храбро удерживает, невзирая на все артиллерийские обстрелы».⁶⁰ Таким образом, растянутость по фронту 125-й сд стала причиной атаки на нее сразу трех соединений вермахта. При поддержке артиллерии пехоте 269-й пехотной дивизии удается сло-

⁵⁹ Мотоциклетного батальона.

⁶⁰ NARA T315 R858 frame 194.

мить сопротивление «обороняющихся до последнего гарнизоны ДЗОТов». Скорее всего, на общий ход событий повлиял также отход советских частей от Таураге. Еще один полк 269-й пд продирается через лесисто-болотистую местность восточнее соседа. Помимо местности приходится преодолевать «сопротивление незначительных сил противника».

С началом боевых действий 48-я стрелковая дивизия получила приказ командующего 8-й армией ускорить марш, не делать больших привалов и дневок, немедленно выйти в свою полосу обороны. Однако занять назначенные довоенными планами позиции было уже невозможно, на них уже хозяйничали немцы. К 22.00 22 июня два стрелковых полка 48-й дивизии заняли оборону на подступах к Расейнюю. Именно их позиции предстояло атаковать 6-й танковой дивизии на второй день войны.

В 7.00 в донесении штаба 4-й танковой группы говорилось: «Движение началось по плану в 3.05 22 июня. До сих пор повсеместно только слабое сопротивление противника». Тональность донесения от 17.45 была уже совсем другая: «Противник, оказывающий ожесточенное сопротивление на подготовленных позициях вдоль границы перед XXXXI танковым корпусом, с середины дня отходит в северо-восточном направлении». Это было типично для первого дня войны – слабое сопротивление в первые часы и постепенное его нарастание начиная с середины дня, когда в бой вступили главные силы армий прикрытия.

XLI и LVI моторизованные корпуса 4-й танковой группы стояли у границы плечом к плечу. Только на стыке друг с другом командиры корпусов поставили пехотные дивизии. В подчинении Манштейна была всего одна танковая дивизия. Естественным образом она стала главной ударной силой LVI корпуса. Сообразно принятой в то время в вермахте практике ведения боевых действий, 8-я танковая дивизия генерала Бранденбергера была разделена на две боевые группы. На правом фланге должна была наступать боевая группа «А» (она же группа Кризолли), на левом фланге – боевая группа «Б» (она же группа Шеллера). В отличие от боевых групп 1-й танковой дивизии, они не имели ярко выраженной направленности «танковая» и «пехотная». Группы были сформированы примерно одинаковыми. Собственно, сильной стороной немецкой практики формирования боевых групп в сравнении с советской практикой «готовых боевых групп» (танковых и механизированных бригад второй половины войны) была большая гибкость применения под конкретные задачи. Группа Кризолли состояла из основной массы 8-го стрелкового полка, усиленного 8-го мотоциклетного батальона, II батальона 10-го тп и роты сапер. Боевая группа полковника Шеллера включала в себя основную массу 28-го стрелкового полка, I батальон 10-го тп, передовой отряд (разведбат), роту саперов и другие мелкие подразделения.

Поначалу наступление развивалось без помех. Несмотря на то что дивизии генерала Бранденбергера были приданы «бранденбуржцы» (об их действиях будет рассказано отдельно), мост через приграничный ручей был захвачен специально подготовленной штурмовой группой. Этому отряду, как подчеркивалось в истории 8-й тд, «несмотря на сильный оборонительный огонь русских пограничников», удалось быстро занять мост у деревни Пасвенты. Тем самым была открыта дорога для наступления вдоль дороги, идущей в долине реки Неман. Надо сказать, что стартовые условия наступления для 8-й танковой дивизии были исключительно благоприятными. Во-первых, она наступала на стыке советских 8-й и 11-й армий. Во-вторых, ее правый фланг защищала крупная водная преграда, что позволяло меньше опасаться контрударов с юга. С севера контрударам Красной Армии не благоприятствовала лесисто-болотистая местность. Это позволяло 8-й тд прорваться сразу вглубь советской территории, не обращая внимания на фланги.

Расчет противотанковой пушки ПАК-38 на берегу приграничной реки.

Пропорционально выгодным условиям наступления штабом Гепнера была поставлена задача LVI корпусу Э. фон Манштейна главными силами наступать справа через Юрбаркас, быстро захватить переправу через Дубису и Кедайняй и как можно быстрее выйти к дороге Ковно – Дунабург [Каунас – Даугавпилс] для дальнейшего наступления на Дунабург».

Уже в 3.30 в воздух были подняты приданные дивизии самолеты-разведчики, подтвердившие, что мосты через Митуву (приток Немана) не повреждены. В истории соединения прорыв описан весьма красочно: «Боевая группа подполковника Кризолли двигалась на восток. Мотоциклисты уже пересекли Митуву. Нигде не встретился противник, лишь одна гужевая колонна обратилась в бегство при виде наших солдат. Теперь вперед переместились танки и заняли место в авангарде. В 4.45 первые машины внезапно наткнулись на окраине леса перед Сузмуком на легкий Т-26, который был уничтожен несколькими выстрелами». ⁶¹ Кому принадлежал этот одинокий Т-26, сейчас можно только гадать. В 5.40 немецкие танки врываются в Юрбаркас, и оба моста через Неман в этом городе попадают в руки немцев неповрежденными. Они не имели значения для наступления 8-й тд, но были ценным приобретением для дальнейшего наступления и перевозок.

Оценивая первые часы кампании в СССР, в ЖБД 8-й танковой дивизии в 7.55 22 июня отмечалось: «Части быстро движутся на восток. В дивизии сложилось впечатление, что она еще не пришла в соприкосновение с регулярными войсками противника».

Следующим естественным препятствием на пути 8-й тд была река Дубисса. Для быстрого захвата мостов и плацдарма вперед по шоссе был направлен мотоциклетный батальон 8-й тд. Его целью стала переправа у деревни Средники. Именно на рубеже Дубиссы в полосе наступления LVI корпуса Манштейна произошла самая успешная акция «Бранденбурга». 22 июня 1941 г. 8-й танковой дивизии была придана рота «бранденбуржцев»

⁶¹ Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg, Podzun-Pallas-Verlag, 1987, S. 137.

под командованием обер-лейтенанта Кнаака (широко известного в связи с захватом мостов у Даугавпилса несколькими днями позднее). В первый день войны из роты действовала активно группа обер-фельдфебеля Хаута в составе 3 унтер-офицеров и 30 солдат. Отчет роты «Бранденбурга» об этом эпизоде гласит: «На захваченный в Силлине русский военный грузовик сели группы унтер-офицера фон Лома и ефрейтора Дренгера, первая в русской униформе, вторая якобы разоружена – пленные в немецкой униформе. У группы Лома было все вооружение, у группы Дренгера пистолеты, ручные гранаты, кусачки, ракетницы и дымовые шашки. Пулемет лежал на дне кузова. Грузовик с ефрейтором Карклитом за рулем отделился от авангарда 8-го мотоциклетного батальона в 4 км от объекта и быстро добрался до местечка Середзиус [Средники]».⁶² Нельзя не отметить, что основным контингентом в отрядах «Бранденбурга» были рядовые и унтер-офицеры.

Принятыми мерами удается ввести в заблуждение охрану моста у Средников. Она оказывается застигнута врасплох и полностью разгромлена внезапным ударом. По немецким подсчетам, здесь Красная Армия потеряла 22 человека убитыми и 8 пленными (в том числе 4 раненых). Называя вещи своими именами, охрана моста легла костью, большинство из них погибли. Надо сказать, что мост был подготовлен к взрыву, и лишь перерезанные диверсантами провода помешали поднять его в воздух. Захват моста состоялся в 13.00 берлинского времени 22 июня 1941 г. Однако в этот момент стало понятно, что сражение за мост только начиналось. В отчете «бранденбуржцев» написано: «Как выяснилось позднее, здесь находились неизвестные нашим войскам казармы, склады боеприпасов, легкие ДОТы и полевые укрепления. Противник вел огонь из нескольких пулеметов и, кроме того, использовал снайперов, имевших винтовки с оптическими прицелами». Судя по снайперским винтовкам, это явно были не военные строители. Диверсантам «Бранденбурга» все же удается удержать мост до подхода мотоциклетного батальона 8-й тд в 15.00. Тем самым 8-й тд удалось не только прорваться в глубину, но и захватить переправу. Значимость наступления LVI корпуса в глазах командования показывает тот факт, что в середине дня 22 июня командующий танковой группой Гепнер направился именно в 8-ю тд.

⁶² NARA T313 R333 frame 8614610.

Расчет 37-мм противотанковой пушки в готовности к отражению танковой атаки.

Если боевая группа Кризоли 8-й танковой дивизии действовала 22 июня в классическом стиле «блицкрига», то боевая группа Шеллера быстро увязла в боях за советские ДОТы и потеряла темп. Группе Шеллера был придан пехотный полк из состава соседней 290-й пехотной дивизии, что усиливало ее возможности в бою позиционного характера. Серьезной проблемой немцев на этом направлении было отсутствие подходящего моста (шоссейный мост был в полосе наступления группы Кризоли). Манштейн отправил для ускорения процесса строительный саперный батальон, однако из-за заболоченной местности вплоть до второй половины дня временный мост нужной грузоподъемности не был построен. В итоге наступление группы Шеллера на другом берегу приграничной реки Свентое в первые часы вторжения в СССР поддерживали лишь несколько переправившихся вброд танков. Противником группы Шеллера были подразделения 48-й стрелковой дивизии, недавно вышедшие в этот район.

Успехи LVI корпуса на захвате моста через Дубиссу «бранденбуржцами» не закончились. Во второй половине дня 22 июня в ЖБД 8-й танковой дивизии появляется запись: «основной массе группы «А» удалось без боя выйти в район Ариогалы, высоты позади которого были заняты противником. Мост в Ариогале был непригоден для переправы транспорта, однако в створе дороги был найден пригодный для всех видов транспорта брод с твердым дном, по которому переправились сначала танки, потом роты на БТР и атаковали высоты у Ариогалы. С помощью этого неожиданно быстрого продвижения удалось сломить сопротивление противника, в том числе его бронемашин, и захватить высоту по ту сторону реки. Удался и произведенный тут же по приказу командира дивизии бросок к шоссейному мосту у Ариогалы, который был захвачен с тыла после короткого боя при поддержке нашей артиллерии и танков в 17.25 в неповрежденном состоянии».⁶³

Командир LVI корпуса Манштейн лично прибыл в Ариогалу вскоре после ее захвата и приказал немедленно двигаться на Кедайняй. У него были все основания чувствовать себя

⁶³ Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg, Podzun-Pallas-Verlag, 1987. S. 139.

триумфатором. Его корпусу удалось прорваться практически незамеченным на стыке между 8-й и 11-й армиями. В своих мемуарах Манштейн писал: «Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айрогалы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. [...] Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, *8 тд* (командир – генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айрогалы».⁶⁴ Тем самым корпус прошел от границы около 60 км по советской территории. В первые дни войны корпус Манштейна был очевидным лидером наступления 4-й танковой группы.

Однако упоение триумфа было быстро подпорчено зрелищем реального состояния захваченной переправы. В истории 8-й тд отмечалось: «Вскоре выяснилось, что брод проходим лишь для транспорта весом до 3 тонн. Его улучшение силами переброшенной сюда 2-й саперной роты оказалось затруднительным, так что основная часть боевой группы А⁶⁵ осталась перед Дубиссой».⁶⁶ Переправившиеся через Дубиссу подразделения группы Кризоли попытались продвинуться к Кедаңю, но через несколько километров встретили упорное сопротивление советских войск. Немцы идентифицировали противостоящего противника как 5-ю сд с «легкими танками», но, скорее всего, это были корпусные части 3-го мехкорпуса, находившиеся вечером 22 июня 1941 г. в Кедаңняе. В 23.00 берлинского времени наступление 8-й тд было остановлено.

В ЖБД ГА «Север» действия Манштейна были отмечены следующим замечанием: «Собирается ли противник оказывать сопротивление на линии Дубисса-Виндава (Вента), остается пока неясным. LVI АК уже достиг этого рубежа и, не встретив сколь-нибудь значительного сопротивления, перешел его в районе Середжиус и Ариогалы».⁶⁷ Тем самым 8-я тд выполнила роль, если можно так выразиться, «глубинной разведки». Пробившаяся более чем на 60 км дивизия показала, что новой линии обороны и новых крупных сил в тылу советских войск нет. Упрежденные в развертывании особые округа не располагали силами для серьезного сражения.

⁶⁴ Манштейн Э. Указ. соч.

⁶⁵ Т.е. группы Кризоли.

⁶⁶ Haupt W. Op. cit., S. 139.

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 500 Оп. 12462 Д. 180 Л. 2.

На приморском фланге

Действия на приморском фланге в Прибалтике имели свою специфику, резко выделявшую схватку на этом направлении в череде боев на других направлениях. Летнее утро 22 июня 1941 г. для наступавшей вдоль побережья Балтийского моря 291-й пехотной дивизии генерала артиллерии Курта Герцога оказалось погруженным в густой туман. Буквально за 10 минут до начала боевых действий командование дивизии было огорошено сообщением от артиллеристов, что «легкая артиллерия не может поддерживать наступление. Тяжелая артиллерия ведет огонь по запланированным целям».⁶⁸ Это означало, что оперативно реагировать на проявляющие себя узлы сопротивления советских частей артиллерия не сможет. Оставалось надеяться на успех в подавлении ранее выявленных целей.

Тем не менее отменять атаку было уже поздно – начиналось не наступление одной 291-й пд, а операция «Барбаросса» от Балтики до Черного моря. В 3.05 началась урезанная артиллерийская подготовка, за которой последовала атака немецкой пехоты. Первые донесения выглядели достаточно своеобразно: «Атака развивается планомерно, видимость отсутствует», «Густой туман», «Видимости нет, по сигнальным ракетам видно, что атака разворачивается планомерно. 2–3 артиллерийских разрыва». Фраза о разрывах, очевидно, относилась к деятельности советской артиллерии. Все это резко контрастирует с описанием наступления 4-й танковой группы при ясной погоде.

В 3.50 пытается подняться в воздух звено разведывательных «костылей» (Хеншель-126). Однако из-за тумана у земли самолеты вернулись обратно. Окутанные туманом части 291-й пехотной дивизии продвигались вглубь советской территории. На левом фланге на Палангу наступал 506-й полк, в центре – 505-й полк, вдоль железной дороги двигался 504-й полк. Через два часа после начала боевых действий, когда туман рассеялся, немецкие артиллеристы удовлетворенно доложили: «задачи по стрельбе выполнены, Поланген (Паланга. – *А. И.*) и Кроттинген горят, наблюдатели тяжелой и легкой артиллерии ищут новые позиции».⁶⁹

На правом фланге советско-германского фронта приняла бой 10-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Фадеева. Именно ее 80-километровая полоса обороны примыкала к Балтийскому морю. Ввиду огромного по любым меркам участка обороны границы, дивизия была разбросана на огромном пространстве в буквальном смысле поротно. В полосе наступления 291-й пехотной дивизии Красная Армия могла противопоставить силам вторжения пять-шесть рот из состава 62-го полка 10-й сд, усиленных артиллерией. В 5.17 утра в ЖБД 291-й пд отмечается «Огонь вражеской артиллерии с дальней дистанции».

Ввиду своеобразия задач двум немецким пехотным дивизиям на приморском фланге (291-й пд и 61-й пд) были приданы 403-й и 402-й велосипедные батальоны. Оба батальона были сформированы в апреле 1940 г. и состояли из трех велосипедных рот и моторизованной роты тяжелого оружия. Это были, конечно, весьма условно подвижные части, но на марше они все же обгоняли передвигающихся пешком пехотинцев. Также по оси наступления 291-й пд проходила железная дорога, что побудило усилить дивизию генерала Герцога одним бронепоездом и 690-й батареей железнодорожной артиллерии (два 280-мм орудия «Короткий Бруно»).

Первым городом, атакованным немцами в полосе 291-й пд, был Кретинген, оборонявшийся ротой из состава 10-й сд. Бои за город развернулись ранним утром, в ходе уличных боев он был захвачен уже около 6.00. Однако далее 504-му полку пришлось сражаться с гар-

⁶⁸ NARA T315 R1906 frame 8.

⁶⁹ NARA T315 R1906 frame 12.

низонами ДОТов у Кретингена. Несмотря на то что в Прибалтике строительство укрепрайонов на новой границе находилось еще в начальной стадии, боеспособных сооружений не имелось, даже не оборудованные штатным вооружением ДОТы давали стрелкам и пулеметным расчетам сильную позицию. С ними немецкие пехотинцы столкнулись уже на выходе из Кретингена. В ЖБД 291-й пд появляется запись: «2-й батальон 504-го пп залег у высоты 36 восточнее Кроттингена». Кризис был относительно скоро преодолен, но 504-й полк стал аутсайдером наступления дивизии генерала Герцога, в ЖБД даже есть запись в 11.15 по итогам поездки в него командира соединения: «Полк плохо продвигается вперед».

Последнее совещание в штабе 506-го пп 291-й пд перед вторжением в СССР.

По советским данным, в Кретингене трофеем немцев стали три сотни автомашин: «К 6.00 противник овладел м. Кретинга, где захватил до 300 автомашин строительного участка». ⁷⁰ Задействованные для форсированного строительства укрепрайона грузовики, скорее всего, были повреждены артиллерийским огнем, а частично просто брошены. Большие усилия по строительству УРа оказались потрачены впустую и привели к дополнительным потерям ценного автотранспорта. Более того, именно из этих грузовиков были взяты машины, впоследствии использованные диверсантами «Учебного полка 800 Бранденбург». В отчете «бранденбуржцев» было прямо написано: «10.00 [22 июня] – лейтенант Вагнер и 4 человека отправились на легковом автомобиле в Кроттинген (Литва), занятый в первые утренние часы, чтобы забрать там 2 грузовика, оставленных для нас начальником разведки». В итоге по Прибалтике «бранденбуржцы» двигались в только что захваченных автомобилях.

⁷⁰ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 8 Л. 7.

Брошенный советский грузовик ЗИС-5. Судя по гражданским номерам, это машина строителей укрепрайонов. Рядом с ней лежат погибшие солдаты, скорее всего из невооруженного стройбата.

В начале боевых действий 403-й велосипедный батальон вместе с пехотным батальоном 506-го полка наступал на Палангу с юга, вдоль приморского шоссе. Однако для штурма собственно Паланги немцами был задуман обходной маневр с нанесением главного удара по Паланге с севера. Поэтому основная масса 506-го полка двигалась вне дорог в обход города. Соседство с морем стало роковым для подразделений 1-го батальона 62-го полка 10-й сд. Батальон, поддержанный одним артдивизионом, был прижат к морю в районе Паланги. Небольшой курортный городок стал ареной одного из первых и страшных боев войны. Сражение за Палангу началось в 6.00, а к 11.00 окруженный батальон потерял половину своего состава. К полудню закончились снаряды у артдивизиона, орудия пришлось бросить, предварительно сняв и закопав затворы. Исчерпав возможности к сопротивлению, артиллеристы и пехотинцы попытались прорваться к своим. Удалось это лишь немногим. Согласно записи в ЖБД 291-й пд, Паланга была в руках немцев в 11.30 берлинского времени (т. е. 12.30 местного). Подразделения 506-го полка продолжили наступление на север вдоль приморского шоссе. Причем 403-й велосипедный батальон был брошен вперед еще до падения Паланги, правда, без средств усиления.

Еще утром, в 10.25 22 июня командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Николаев докладывал: «Противник силою до двух б-нов развивает удар западнее Крестинга на север, положение Фадеева тяжелое. Прошу ускорить движение частей Шестопалова⁷¹ и оказывать помощь боевой авиацией. Реальных средств не имею».⁷² 51-летний генерал Николаев был уже достаточно опытным командиром, чтобы впасть в протрацию. Он

⁷¹ Командир 12-го МК.

⁷² ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 71 Лл. 51, 51 об.

начал службу в русской армии с 1912 г., поднялся до звания штабс-капитана. Участвовал в Первой мировой войне, командовал батальоном на Западном фронте. Один из непосредственных участников тех событий, лейтенант П. Л. Боград позднее написал, что хорошо запомнил И. Ф. Николаева как «человека с продолговатым лицом и рыжей бородкой а-ля д'Артаньян».

Бывший царский офицер с бородкой гасконца был в данном случае абсолютно прав. Никакими резервами 10-й ск не располагал, а двигать разбросанные вдоль фронта стрелковые роты было латанием тришкиного кафтана. Просьбы комкора без внимания, надо сказать, не оставили. В донесении по итогам дня 291-й пд (отправлено в 23.05 22 июня) отмечаются «Отдельные налеты с бреющего с обстрелом из пулеметов». Т. е. советские ВВС пытались воздействовать на наступающие части 291-й пд.

Частями «корпуса Шестопалова» генерала Николаева тоже не обделили. Уже в 9.45 последовало распоряжение командования фронта, в котором имелся оборот «ликвидировать 23-й танковой дивизией танки и мотоциклетные части противника в Кретинга...».⁷³ В приказе 8-й армии, выпущенном в 14.00 22 июня, предполагалось нанесение контрудара «силами 23-й танковой дивизии – на Плунге, Кулей немедленно». Далее дивизию предполагалось использовать для контрудара по немецкой группировке, действующей под Таураге.

Тем временем немцы рвались вперед фактически в пустоте за спиной разбросанных у границы рот. Условия для наступления велосипедного батальона 22 июня 1941 г. были, можно сказать, полигонными. Он двигался летом, по хорошему шоссе, в отсутствие сплошного фронта. Однако большой проблемой для немецкой пехоты на велосипедах стали советские пограничники. Еще ранним утром начальник 12-го погранотряда майор В. И. Якушев приказал:

«5-й комендатуре в связи с угрозой обхода противника с суши, снять пограничные отряды с побережья и сосредоточить личный состав в районе комендатуры в Руцаве;

21-й, 22-й и 23-й пограничным заставам вместе с личным составом управления комендатуры организовать оборону в районе Руцавы и воспрепятствовать продвижению противника на Лиепаю».⁷⁴

В 12.00 начальник войск Прибалтийского пограничного округа генерал-майор К. И. Ракутин⁷⁵ докладывал из Таллина: «Заставы 24 и 25 12 ПО и стройрота отходят по дороге Паланга-Либава. 2 батальона немцев просачиваются на север вдоль дороги. Поддержки КА пока нет. Комендатуре приказано оказывать сопротивление на рубеже Русава [Руцава]». В ответ на замечание об отсутствии поддержки со стороны армейцев, Ракутину приказали связаться с командующим ПриБВО и определить с ним характер дальнейших действий и взаимодействий с частями КА.

⁷³ СБД № 34. С. 37.

⁷⁴ Булдыгин С. Оборона Лиепаи. СПб: Гангут. 2012. С. 22–23.

⁷⁵ Погиб под Вязьмой, будучи командующим 24-й армией.

Первый раненый. Немецкие санитары помогают раненому солдату, потерь пока немного, и вокруг него целый консилиум.

Приказ на сбор в Руцаве не просто отдан в пространство: в город был направлен начальник штаба 12-го погранотряда майор В. А. Черников. Он собрал под своим командованием пограничников 1-й и 2-й застав 105-го погранотряда, 24-й и 25-й застав 12-го погранотряда и подразделения строительных частей общей численностью около 300 человек.⁷⁶ Соответственно, когда около 15.00 (местного времени) к Руцаве подошли немцы, она уже была хорошо подготовлена к обороне. Уже вечером в ЖБД 291-й пд появляется запись: «403-й велосипедный батальон докладывает через капитана Майера, что он застрял перед Руцавой, там засевшие на деревьях стрелки и тяжелые пулеметы противника. Просит поддержки артиллерии. Наблюдает легкие танки врага. Ia (начальник оперативного отдела) отказывает в артиллерии, поскольку она прибьет слишком поздно, уже в темноте, кроме того, необходима в другом месте для продолжения наступления 23 июня».⁷⁷ Бой за Руцаву продолжался до глубокой ночи. Не располагая тяжелым оружием, майор В. А. Черников отдал приказ на отвод своего отряда дальше на север, к Папе. К сожалению, посыльный, отправленный в комендатуру, был убит, и приказ на отход не получили младший военврач И. Г. Алексеевский и несколько раненых. Вошедшие в Руцаву немцы окружили комендатуру, врач и пограничники погибли. Позднее отряд самого В. А. Черникова попал в засаду и понес большие потери.

Теоретически имевший все возможности продвинуться дальше всех 403-й велосипедный батальон застрял под Руцавой в боях с пограничниками. Лидером наступления 291-й пд стал 505-й полк. Последовательно сбив с позиций две роты из состава 62-го сп 10-й сд, он двигался, почти не встречая сопротивления. Никакого второго эшелона позади разреженной линии построения 10-й стрелковой дивизии не было. В 8.25 берлинского времени 505-й полк

⁷⁶ Булдыгин С. Указ. соч. С. 23.

⁷⁷ NARA T315 R1906 frame 20.

выходит к Дарбенаю, уже через час доложив о взятии города. В качестве средства усиления он дополнительно получает 10-й пулеметный батальон – на случай необходимости закрепления занятых рубежей. В 15.10 штаб 291-й пд получает донесение от самолета-разведчика: «в 14.40 мосты в Скуодасе (через реку Барту. – А. И.) невредимые». В Скуодас направляется передовой отряд 505-го полка. Город был захвачен в 18.30. Теперь 291-я пд располагала плацдармом для наступления на Приекульн и далее на Лиепаю (Либаву). Тогда еще никто не знал, что штурм Лиепай окажется довольно долгим, трудным и принесет 291-й пд большие потери.

Пехотинцы из велосипедного подразделения на марше на улице литовского городка. Сухие и жаркие дни июня 1941 г. благоприятствовали использованию велосипедных частей, несмотря на кажущуюся архаичность.

Нельзя не отметить, что стремительное продвижение 291-й пд вызывало определенное беспокойство в штабе 18-й армии и ГА «Север». В ЖБД 18-й армии на этот счет имеется запись: «Командование группы армий вновь предостерегает от слишком поспешного наступления 291-й пд. Начальник штаба 18-й А считает, что проведенная на правом фланге разведка показала, что в настоящее время угроз для дивизии нет».⁷⁸

Надо также сказать, что немецкое командование ожидало противодействия наступлению на приморском фланге со стороны советского ВМФ. В ЖБД 291-й пд есть отметка о характере использования 690-й батареи 280-мм железнодорожных орудий «Курц Бруно»: «в настоящее время стоит на боковом пути для прикрытия со стороны моря». Однако эта предосторожность оказалась невостребованной. Попыток со стороны боевых кораблей КБФ подходить к берегу и обстреливать наступающие немецкие части не предпринималось.

⁷⁸ NARA T312 R781 frame 8430929.

В итоге наступавшая на приморском фланге 18-й армии 291-я пехотная дивизия быстро продвигалась вперед. Ее главной целью был не разгром оборонявшихся на границе частей, а порт Лиепая. Не обращая внимания на фланги, 505-й полк дивизии Герцога устремился на север. Его достижения были даже особо отмечены в весьма немногословном ЖБД ГА «Север»: «Полковник Ломейер, командир 505-го пп, преследуя противника, продвинулся со своим полком в течение 16 часов на 65 км, занял Дарбенай и овладел предместным укреплением севернее Скуодас». ⁷⁹ Данная запись фактически пересказывает фразу из донесения 291-й пд по итогам дня. 65 километров – это действительно серьезное достижение, даже для простого марша без воздействия противника. При этом оперативный отдел дивизии генерала Герцога отмечал как слабость противостоящих советских частей, так и их упорное сопротивление: «Слабые арьергарды сражаются очень упорно».

Надо сказать, что по итогам дня командование 291-й пд слегка одернули относительно рывка на большую глубину. Командующий 18-й армией генерал-полковник Кюхлер поздно вечером лично позвонил в штаб 291-й пд. Результат беседы зафиксирован записью в ЖБД армии: «Приказ командующего – важна не быстрота наступления, а его безопасность, в первую очередь от возможного удара с востока». ⁸⁰ Действительно, при большом отрыве от главных сил армии 291-я пд могла попасть под советский контрудар с тяжелыми, если не катастрофическими последствиями. Разумеется, никто не мог заранее предсказать, что немецкий ХLI корпус будет на несколько дней скован одной 3-й танковой дивизией под Расейняем. Командование Северо-Западного фронта, соответственно, пыталось направить 12-й мехкорпус против наиболее опасного противника. Однако, при другой оценке противника Ф. И. Кузнецовым, не представляется столь уж невероятной ситуация с контрударом 12-го мехкорпуса в сторону моря, под который попадает вырвавшаяся вперед 291-я пд. В реальности против 291-й пд под Лиепайей был направлен мотострелковый полк 28-й тд 12-го МК. Не исключалось (немцами) также вмешательство советского ВМФ. Все это делало быстрое продвижение на Лиепаяю совсем небезопасным.

Правым соседом дивизии генерала Герцога была 61-я пехотная дивизия. Командовал ею немолодой 63-летний генерал-лейтенант Зигфрид Хэнике. Две немецких дивизии наступали на разных направлениях, в достаточно условной связке друг с другом. Здесь почти параллельно границе несколько в глубине советской территории протекала река Минья с ограниченным числом переправ через нее. Смысла атаковать крупными силами, чтобы упереться в реку, не было, и на этом направлении связкой между двумя дивизиями был велосипедный батальон и батальон территориальной обороны. Главный удар 61-я пд наносила правым флангом, вдоль дороги на Плунге. Момент внезапности был использован немцами полностью, одно из первых донесений гласит: «Внезапная атака на Гаргждай полностью удалась, мост через реку Минге [Минья на советских картах] захвачен невредимым». ⁸¹ Однако в северной части небольшого приграничного городка Гаргждай немцы встретили сопротивление, которое было обозначено в ЖБД 61-й пд как «упорное». Логично было бы предположить, что противником немцев в городке были пограничники. Однако в записях оперативного дежурного НКВД и донесениях Ракутина этот город не упоминается. По состоянию на 20 июня одна стрелковая рота из состава 204-го сп 10-й сд находилась на другом берегу р. Минья, в Вежайчее. Еще одна рота того же полка – в Кветинее, к северу от Гаргждай. Отгадку дает донесение немецкого батальона территориальной обороны, действовавшего совместно с 61-й пд: «в 06.10 в Кветиняе противника нет». Еще дальше, севернее, границу перешел 402-й велосипедный батальон, вскоре доложивший об отсутствии противника в Грибжинее.

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 500 Оп. 12462 Д. 180 Л. 3.

⁸⁰ NARA T312 R781 frame 8430925.

⁸¹ NARA T315 R1013 frame 8.

Скорее всего рота 204-го сп 10-й сд из Кватинее выдвинулась южнее и вступила в бой с противником в городке Гаргждай. В итоге две – возможно, три – роты (во всяком случае, до батальона) из 10-й сд дали бой в районе Гаргждая и Вежайчая.

Сброшенная в кювет советская 85-мм зенитка на дороге в Либаву (Лиепāju).

Солдаты 291-й пд улыбаются военному корреспонденту. Впереди их ждет тяжелая борьба за Лиепаяу, а в последующем – позиционные бои на Волховском фронте.

Особенностью боевых действий в Прибалтике, где советские войска были приведены в готовность раньше других округов, была активность советской артиллерии уже в первые часы боевых действий. В ЖБД 61-й пд уже в 6.20 появляется запись: «Отдельные разрывы вражеских артиллерийских снарядов (ведут огонь 1–2 батареи) в 06.20 поблизости от КП дивизии. Впервые проявляет активность русская артиллерия».⁸²

Оборонявшиеся севернее Гаргжда и в Вежайчае роты оказали немцам упорное сопротивление, сдерживая продвижение 176-го полка 61-й пд. В ЖБД соединения отмечалось: «2-й батальон остановлен противником перед Вежайчаем, занятым крупными силами противника, и просит о поддержке». На выручку был отправлен еще один батальон. Третий батальон 176-го полка атаковал «упорно обороняемые» хутора к северу от Гаргжда. В ЖБД дивизии упорство защитников хуторов оценивалось достаточно высоко: «В 12:25 в полосе 3-го батальона [176-го пп] еще продолжались ожесточенные бои. Каждый дом здесь превращен в укрепление, его приходится захватывать с боем».⁸³ Т. е. схватка за район городка Гаргжда продолжалась уже несколько часов. Для немцев был важен полный контроль над этим населенным пунктом и разгром советских частей в этом районе, поскольку удачная контратака могла привести к потере переправы. Только в 13.30 берлинского времени Гаргжда был захвачен (по крайней мере, по немецкому донесению об этом). Борьба за город продолжалась до самого вечера, в 20.00 имелось донесение «XXVI АК докладывает об отражении атаки противника от Медседжя на Гаргжда».

Но не все подразделения приграничных полков вставали насмерть на пути врага. В противоположность застрявшему перед превращенными в укрепления домами соседу, 151-й полк 61-й пд продвигался вперед, «не вступая в контакт с противником». При этом его маршрут пролегал через селение Гирининкай, где располагалась еще одна рота 204-го полка. Однако полк проходит через Гирининкай, продвигается дальше и только по приказу сверху останавливается у Иекуле. В донесении 10-го стрелкового корпуса от 8.00 22 июня находится объяснение этому факту: «К 6.40 получено донесение, что 5 рота 204 сп начала отход на основную оборонительную полосу. Численность пр-ка на этом участке не установлена».⁸⁴ Неудивительно, что немцы стали проталкивать в образовавшуюся брешь резервы. Первым уже в 6.00 утра был брошен в бой разведбат 61-й пд, за ним последовал 162-й полк.

Уже в донесении от 10.25 22 июня командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Николаев сообщал о критической обстановке в полосе 204-го полка: «Противник [...] развивает наступление на высоту 147,4, что южнее Кулей, 2-й [батальон] 204 [сп], 1-й [дивизион] 140 гап ведут бой в окружении».⁸⁵ В итоге на подступах к городку Куляй произошло еще одно сражение на окружение, «котел» под Палангой, к сожалению, не стал единственным в своем роде. В центре построения дивизии генерала Фадеева уже в первые часы войны был окружен батальон 204-го стрелкового полка вместе с одним артдивизионом. Впрочем, здесь все завершилось относительно благополучно. Начальник управления политпропаганды Северо-Западного фронта бригадный комиссар Рябчий позднее даже приводил этот эпизод в качестве положительного примера: «204 сп 10 сд в районе Кулей был окружен, но умелым энергичным ударом он пробил в кольцо врага брешь и вышел из окружения,

⁸² NARA T315 R1013 frame 10.

⁸³ NARA T 315 R 1013 frame 12.

⁸⁴ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 71 Л. 50.

⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 71 Л. 51.

сохранив всю материальную часть».⁸⁶ Справедливости ради стоит отметить, что окружение в данном случае имело место в форме перехвата основных магистралей, без формирования полноценного «котла». Для удержания позиций на правом фланге 8-й армии командованием принимались чрезвычайные меры. Так, из батальонов, работавших на строительстве укреплений на границе, были вооружены около 800 человек. Этот отряд был подчинен командиру 10-й стрелковой дивизии и занял оборону в тылу соединения по р. Миния юго-западнее города Плунге.

Немецкие пехотинцы проходят маршем через кладбище советских автомашин. Задействованная для масштабного строительства укреплений в ПриБОВО разнообразная техника попала под первый удар противника, что привело к большим потерям ценного автотранспорта и строительной техники.

Итоги первого дня войны в ЖБД 61-й пд были подведены следующим образом: «Дивизия достигла поставленных на день целей, однако тяжелые бои первого дня дают представление о том, что будет впереди».⁸⁷ При этом следует отметить, что 151-й полк дивизии наступал, не имея соприкосновения с советскими частями и преодолевая лишь сложные дорожные условия.

Уже в этих первых схватках на приморском фланге проявилась общая для всего советско-германского фронта тенденция. Даже на вспомогательных для немцев направлениях советские войска были слабы и терпели поражение просто ввиду растянутости фронта стоявших на границе дивизий. Это заставляло верховное командование растрачивать ресурс ценнейших механизированных соединений не только на направлении главного удара противника, но и на сугубо второстепенных участках. Хотя бы для того, чтобы фронт здесь не рассыпался вовсе.

К ночи с 22 на 23 июня 1941 г. оборонявшаяся на приморском фланге 10-я сд была разорвана на части глубоким ударом 291-й пд. Один батальон 62-го полка действовал в изо-

⁸⁶ ВИЖ, № 7, 1989, С. 22.

⁸⁷ NARA T315 R1013 frame 14.

ляции в районе к северу от Паланги, будучи обойден и пехотой, и велосипедным батальоном. Главные силы 62-го полка занимали оборону фронтом на запад и юг под Картеной на рубежах рек Салантай и Минья. 204-й полк к 2.00 ночи 23 июня вел бой под Кулей под нажимом 61-й пд, в оперсводке указывалось: «противник охватывает полк с обоих флангов, полк имеет большие потери». ⁸⁸ 98-й полк вел бой в лесах под Эндревасом. Как указывалось в сводке, «по непроверенным данным полк оставил м. Эндревас». Немецкие денные скорее подтверждают оставление советскими частями Эндреваса и продвижение по шоссе на Ритакас, в ЖБД 18-й армии поздним вечером 22 июня положение XXVI корпуса было охарактеризовано так: «основная масса сил корпуса в районе Эндреваса, часть сил, возможно, уже движется в направлении Ритакаса».

Несмотря на то что германские войска утром 22 июня перешли границу с СССР практически на всем ее протяжении, нажим атакующих не был равномерным по всему фронту. Невозможно быть везде одинаково сильным. Достаточно четко выделялись направления главных и вспомогательных ударов. Главный удар группы армий «Север» наносился на шяуляйском направлении (об этом будет рассказано ниже). Вспомогательный удар 18-й армии пришелся на приморский участок фронта. Между главным и вспомогательным ударами была перемычка, прикрытая лишь отдельными отрядами. Как написал историограф группы армий «Север» Гаупт, «стык между I и XXVI армейскими корпусами обеспечивал 374-й пехотный полк (207-й охранной дивизии). Полк шестью усиленными штурмовыми отрядами перешел границу, чтобы отвлечь русских от направления главного удара». Со стороны I армейского корпуса 6-километровую «полосу бездействия» прикрывал разведывательный отряд 11-й пехотной дивизии.

Надо сказать, что отсутствие сплошного фронта отнюдь не внушало энтузиазма командованию немецкого XXVI армейского корпуса. Как указано в ЖБД 18-й армии, командир корпуса генерал артиллерии Альбер Водриг уже около 18.00 22 июня высказывал свои опасения Кюхлеру: «У корпуса нет контакта с соседями, а в тылу противник еще оказывает сопротивление. Он опасается проникновения противника в брешь между I и XXVI АК, особенно учитывая обнаруженные передвижения танков противника по дороге Шаулен – Таурогген». ⁸⁹ Однако Кюхлер отнесся к этим опасениям совершенно равнодушно. Он, напротив, считал, что попытка советских войск вклиниться между корпусами будет только на руку: «проникновение противника только создаст предпосылки для более крупного успеха, командующий армией принимает решение придерживаться прежнего плана». ⁹⁰

⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 344 Оп. 5554 Д. 71 Л. 69.

⁸⁹ NARA T312 R781 frame 8430927.

⁹⁰ Ibidem.

150-мм тяжелая полевая гаубица SFH18 – «рабочая лошадка» немецкой артиллерии во Второй мировой войне.

Пополнение боеприпасов. Штурмовые орудия получают снаряды с транспортера боеприпасов, Литва, лето 1941 г. Штурмовые орудия были «стальным тараном» пехотных дивизий вермахта.

Левым соседом 10-й стрелковой дивизии была 90-я стрелковая дивизия полковника М. И. Голубева. По сравнению с ненормально широким фронтом своего соседа она занимала более узкую полосу – 30 км. Однако эта полоса все равно в три раза превышала уставную норму. Попадание части участка обороны дивизии в «полосу бездействия» между двумя немецкими корпусами ненамного облегчало ее участь. На растянутую оборону на левом фланге дивизии полковника Голубева навалились сразу две пехотные дивизии противника. Для сравнения: атаковавшая ее 11-я пехотная дивизия (левое крыло I армейского корпуса) имела полосу наступления шириной всего около 2 км. Неблагоприятное для Красной Армии соотношение сил быстро стало очевидным для противника. В ЖБД 18-й армии указывается сначала применительно к XXVI АК: «Противник не оборонял приграничные укрепления», а позднее относительно действий I АК: «Общее впечатление – противник не стал переходить к обороне на приграничной территории».⁹¹

В истории 11-й пехотной дивизии первые часы войны оцениваются с энтузиазмом: «силы противника были слабыми, наступление развивалось хорошо, и дивизия захватила переправы через Юру в неповрежденном состоянии». К слову сказать, достаточно бравурные слова в истории соединения несколько противоречат документам. В ЖБД 18-й армии указывалось: «12.20 – I АК (майор Вебер) докладывает: в 10.30 один полк 11-й пд переправился через Юру у Жвингя. Мосты разрушены».⁹²

По советским данным, бои на рубеже р. Юра начались уже в 8.30 утра 22 июня. Как отмечалось в истории той же 11-й пехотной дивизии, «оборонительные сооружения на Юре были в незавершенном состоянии, и на организованное сопротивление поначалу не рассчитывали. Наступление осложнялось беспокоящим огнем русской артиллерии, которая с помощью отдельных дальнобойных орудий, прикрепленных к тягачам, по карте обстреливала важные точки маршрута».⁹³

Скорее всего, это была артиллерия 90-й стрелковой дивизии, заранее подготовившая данные для стрельбы. В 12.00 22 июня в оперсводке 10-го стрелкового корпуса прозвучали слова: «На фронте 90 сд действует до двух ПД и одного танкового полка, имеются моточасти».⁹⁴ Оценка эта была достаточно реалистичной, за исключением «танкового полка». Тема танков получила продолжение, в той же сводке указывалось: «Установлено большое скопление танков и мотоциклистов в районах 1) в лесу юж. м. Дидкемис, 2) в р-не Тринопис (3 км ю. – з. Пограмантис)».⁹⁵ Причем в этом месте в документе есть приписка карандашом: «Дважды подтверждено скопление танков». Достаточно убедительным представляется предположение, что в качестве «танков» выступил 185-й батальон штурмовых орудий, приданный I армейскому корпусу.

19-й и 286-й стрелковые полки 90-й сд к ночи на 23 июня удерживали рубеж на р. Юра. Однако захват 1-й и 11-й пехотными дивизиями плацдарма на северном берегу Юры, в районе Паюриса, точнее у Жвингя, привел к стремительному обвалу фронта. Как указывалось

⁹¹ NARA T312 R781 frame 8430922.

⁹² NARA T312 R781 frame 8430923.

⁹³ Buxa W. Weg und Schicksal der 11. Infanterie-Division, Podzun, 1952, S.

⁹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 344, Оп. 5554, Д. 71, Л. 34.

⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 344, Оп. 5554, Д. 71, Л. 53.

в ночной оперсводке, «По личному докладу командира 90 сд 173 сп к 1.15 23.6 под ударами пр-ка рассеялся и отдельными группами отходил на север».⁹⁶

Значимой характеристикой интенсивности и результативности боевых действий были и остаются понесенные потери. В таблице показаны данные по потерям соединений 18-й армии ГА «Север», понесенным в боях с советской 8-й армией. Данные приведены по отчетным документам группы армий.

Таблица. Потери немецких войск в полосе обороны советской 8-й армии 22 июня 1941 г.⁹⁷

⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф.344 Оп.5554 Д.71 Л. 69.

⁹⁷ Таблица составлена по Булдыгин С. Борьба за Ригу в 1941 году. Санкт-Петербург: Гангут. 2013. С. 52–53.

Соединение (часть)	Убито	Ранено	Пропало без вести
1 пд	33	153	4
11 пд	47	114	7
21 пд	26	73	11
Итого I АК	106	340	20
Управление XXVI АК	1	–	–
61 пд	39	114	12
217 пд	80	167	13
374 пп	7	11	1
426 батальон связи	1	1	–
660 саперный батальон	–	1	–
402 велосипедный б-н	3	2	–
Итого XXVI АК	131	296	26
58 пд	1	–	–
Итого XXXVIII АК	1	–	–
291 пд	39	86	–
10 пулеметный батальон	–	3	–
403 велосипедный б-н	9	15	–
Итого 18 армия	286	740	48
4-й полк связи	–	1	–
41-й батальон связи	–	–	1

Штаб 628 саперного полка	2	6	–
1 тд	36	123	1
6 тд	30	92	2
36 мд	5	9	–
269 пд	13	82	9
489 пп (269 пд) ¹	52	102	33
Итого XXXI АК (mot.)	138	415	46
8 тд	20	65	–
290 пд	40	75	5
Итого LVI АК (mot.)	60	140	5
Итого 4 ТГр	198	556	51
Всего	484	1 296	99

Хотелось⁹⁸ бы обратить внимание, что данные по 1-й тд и подчинявшемуся ей 489-му полку приведены отдельно. Сумма потерь вполне соответствует отчетным документам 1-й танковой дивизии. Хорошо видно, что значительная часть потерь приходится на 4-ю танковую группу. Тем не менее при сравнимой численности (18-я армия в июне 1941 г. насчитывала 184 249 человек, 4-я ТГр – 152 285 человек) пехота немецкой 18-й армии потеряла в первый день войны с СССР все же больше.

Данные по советским потерям, к сожалению, достаточно фрагментарны, в том числе ввиду утраты оперативных документов. В одной из оперативных сводок приводятся потери 10-й стрелковой дивизии в 24 человека убитыми и 82 человека ранеными.⁹⁹ Однако эти данные представляются неполными. Дивизия генерала Фадеева в ходе приграничного сражения потерпела тяжелое поражение, она потеряла 6 265 человек убитыми и пропавшими без вести до 3 июля 1941 г.¹⁰⁰ Начало этому разгрому было положено уже 22 июня 1941 г.

⁹⁸ 489-й пп действовал в подчинении 1-й танковой дивизии.

⁹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 71 Л. 80.

¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 221. Оп. 1364 Д. 70 Л. 6 об.

Пробивая брешь на Минск: 3-я танковая группа

Из всех объединений вермахта, стоявших у границ СССР 3-я танковая группа Германа Гота представляла, пожалуй, наибольшую опасность. Внешне, конечно, она таковой не выглядела – представлявшие смешными танки чехословацкого производства, увязавшие в песке французские автомашины. Однако 3-я ТГр нацеливалась практически в стык между ЗапОВО и ПриБОВО, а также являлась второй танковой группой, обрушившейся на советские войска в Прибалтике.

Расположение советских частей на вильнюско-каунасском направлении утром 22 июня было типичным для приграничных армий. Из состава четырех стрелковых дивизий 11-й армии на границе находилось по одному полку, из состава пятой стрелковой дивизии – два батальона. Этой завесе противостояли пять армейских корпусов немецких 16-й и 9-й армий, а также два моторизованных корпуса 3-й танковой группы. Стоявшие на границе советские стрелковые полки были атакованы по меньшей мере двумя пехотными дивизиями каждый. В связи с этим общая «немота» советской артиллерии в полосе 3-й танковой группы была, пожалуй, выражена в наибольшей степени. В отчете группы по итогам боев указывалось: «На всех участках фронта противник оказывал слабое сопротивление, нигде не отмечались действия артиллерии противника».¹⁰¹

Заряжание 210-мм мортиры. Германия обладала многочисленной тяжелой артиллерией и активно ею пользовалась в ходе вторжения в СССР.

Методика наступления немецких танковых групп в первые дни войны с СССР напоминала принцип действия проходческого щита. При прокладке тоннелей ножевое кольцо щита вдавливают в грунт, а затем выбирается ограниченный кольцом цилиндр грунта. Немец-

¹⁰¹ ЦАМО РФ, Ф. 500, Оп. 12462, Д. 231, Л. 3.

кие танковые группы наступали двумя моторизованными корпусами на флангах и своего построения, и армейским корпусом в центре. Танковые соединения пробивались в глубину обороны, а наступавшая в центре пехота перемалывала оказавшегося между двумя глубокими вклинениями противника. Такое построение позволяло рационально использовать дорожную сеть и повышало устойчивость к контрударам – внешние фланги моторизованных корпусов разделяло приличное расстояние. Перерубить «проходческий щит» фланговыми ударами было нетривиальной задачей. Еще одним объяснением действий «проходческим щитом» являлась необходимость для механизированных соединений двигаться по хорошим дорогам. Таких трасс было не так уж много, что обуславливало расстояние между наступающими моторизованными корпусами.

В ограниченном пространстве в Прибалтике построение «проходческим щитом» не применялось, а все остальные танковые группы (3, 2 и 1-я) строились именно так. Внешние фланги 3-й танковой группы образовывали XXXIX и LVII моторизованные корпуса, а центр – пехота V армейского корпуса. На северном фланге стык с группой армий «Север» обеспечивал VI армейский корпус. Острие удара XXXIX моторизованного корпуса было нацелено на переправу через Неман у Алитуса, а 12-я танковая дивизия LVII корпуса двигалась к переправе через ту же реку у Меркине. Важным преимуществом танковой группы Гота было отсутствие водных преград прямо на границе. Танковым группам Гудериана и Клейста нужно было форсировать Буг, а на пути 3-й ТГр такого препятствия не было.

Подвижные соединения XXXIX корпуса выстроились на границе плечом к плечу, 20-я и 7-я танковые дивизии и 20-я моторизованная дивизия. Решение было типичным для германской военной мысли: назначать танковым дивизиям узкую, но самостоятельную полосу наступления. Роскошь наступать вдоль шоссе досталась 7-й тд, а 20-я тд двигалась проселочными дорогами.

Будущий «тигриный» танковый ас Кариус вспоминал последние минуты перед вторжением: «Каждый изображал ледяное спокойствие, хотя внутренне все мы были чрезвычайно возбуждены. Напряжение становилось просто невыносимым. Наши сердца готовы были вырваться из груди, когда мы слышали, как эскадрильи бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков «штука» с гулом пронесли над нашей дивизией в восточном направлении. Мы располагались на краю леса, к югу от Калварьи. Наш командир установил на своем танке обычный радиоприемник. По нему мы услышали официальное объявление о начале русской кампании за пять минут до времени «Ч». За исключением нескольких офицеров и унтер-офицеров, никто из нас еще не участвовал в боевых действиях. До сих пор мы слышали настоящие выстрелы только на полигоне».¹⁰²

Однако Кариусу не суждено было пересечь границу на рассвете 22 июня. В первом эшелоне 20-й тд атаковали два мотопехотных полка. В ЖБД 20-й танковой дивизии указывалось: «В 03.05 ударные группы переходят границу и быстрой атакой захватывают приграничные посты, занятые лишь небольшими силами. Только в Сантаке дело доходит до ожесточенных уличных боев с потерями с обеих сторон».¹⁰³ Противником немецких мотострелков в Сантаке являлась 8-я погранзаства. Начальник заставы лейтенант Ф. Н. Платошкин пропал без вести. Соседняя 9-я погранзаства в Рыкацейе лейтенанта И. В. Середы также была уничтожена, командир пропал без вести.

В 7.00 приказ на выдвижение получает танковый полк 20-й тд, наступление продолжается при поддержке бронетехники. 2-й батальон 366-го сп 126-й сд седлает шоссе Сувалки-Калвария, которое остается в полосе соседней 7-й тд, поэтому 20-я тд встречает слабое сопротивление. Направление наступления соединения было выбрано достаточно грамотно

¹⁰² Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М.: Центрполиграф, 2004. С. 10.

¹⁰³ NARA T315 R744 frame 264.

– фланг соединения прикрывает река Шешупа с заболоченной долиной. Хотя в условиях 1941 г. эта предосторожность оказывается избыточной. К 10.30 20-я тд прорывается к Калварии и, как отмечается в ЖБД, «очищают город, который местами горит, от последних подразделений противника».

Ветеран сражения за Францию, получившая прозвище «дивизия-привидение», 7-я танковая дивизия также начинала наступление без танков. В первом эшелоне дивизии находились два стрелковых (мотопехотных) полка. Ввод в бой 25-го тп дивизии предполагался после захвата пехотой межозерного дефиле у Рауденишкай (Раудонишки на советских картах тех лет, в нескольких километрах к югу от Калварии. Во Франции 7-й тд командовал Роммель, в поход на восток ее повел Ганс фон Функ, уже имевший опыт командования танковыми частями. Должность командира 7-й тд вскоре принесет Рыцарский крест, дивизия под его командованием станет «замыкателем котлов» 1941 г.

Генерал-полковник Герман Гот, командующий 3-й танковой группой.

Наступление 7-й тд началось по графику, в 3.05 берлинского времени. Часто забывается, что вермахт – это не только «панцер» и «штука», но и тяжелая артиллерия. Уже в первые часы вторжения приданная «дивизии-привидению» тяжелая артиллерия обрушилась на Калварию, город в 15 км от границы. Огонь вели 210-мм мортиры 733-го артдивизиона и 150-мм пушки (именно пушки) 620-го артдивизиона. В 5.22 артиллерия обрушилась на отходящие по шоссе Сувалки – Калвария советским частям.¹⁰⁴ Можно только посочувствовать строителям УРов, ринувшимся от канонады от границы в тыл и попавшим под «чемоданы» тяжелой артиллерии. На участке наступления 7-й тд не было даже погранзастав, только отдельные наряды пограничников, поэтому уже через час после начала боевых действий 25-й тп получил приказ на выход к границе. Назначенное как рубеж ввода танков межозерное дефиле было взято без боя.

¹⁰⁴ Новиченко А. Л. 1941-й. Боевые действия 11-й армии в Литве. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск». 2014. С. 95.

Пройдя Калварию, 7-я и 20-я тд поворачивают на восток. В ЖБД 20-й тд прямо указывается: «Восточнее Калварии дивизия не сталкивается с достойным упоминания противником». Нельзя не отметить, что 22 июня для командования советской 11-й армии стоял вопрос о направлении прорыва танков противника. Достаточно логичным выглядел удар от Сувалок по шоссе через Калварию на Каунас. Соответственно командарм Морозов выдвинул на это направление полк бригады ПТО. Однако наступающие немецкие соединения вместо прорыва на Каунас свернули на восток, к Алитусу.

На правом крыле XXXIX корпуса наступала 20-я моторизованная дивизия генерал-майора Ганса Цорна. Она начинала в неполном составе, к началу наступления один мотопехотный полк (76-й мп) еще находился в маршевых колоннах в районе Сувалок. В 3.15 подразделения 18-й мд пересекли границу. Поначалу организованное сопротивление отсутствовало: «Общее впечатление – противник перед фронтом дивизии отошел, полная внезапность удалась. Батальоны быстро наступают».

Генерал Цорн и его штаб были особенно заинтересованы в быстром наступлении. В ЖБД 20-й моторизованной дивизии по этому поводу есть весьма любопытный пассаж о соревновании дивизий, имевшем место в XXXIX корпусе:

«Командование корпуса оставило открытым вопрос о том, какая дивизия будет использована для прорыва на Олиту. Планируется задействовать для этого 7-ю тд, однако все будет зависеть от развития ситуации. Если дивизия выйдет к дороге намного раньше, чем 7-я тд, тогда возможно, что она будет направлена на Олиту. В связи с этим необходимо всеми средствами стремиться к скорейшему достижению поставленной цели. Продолжается соревнование между дивизиями (а в их составе – между батальонами)».¹⁰⁵

На этом фоне заламывание рук насчет мифического соревнования между Г. К. Жуковым и И. С. Коневым под Берлином в 1945 г. смотрится просто смешотворно. Здесь соревнование устраивалось официально, без полунамеков.

Однако 20-й мд не суждено было выиграть это соревнование. Она наступала в труднопроходимой местности. Около 8.00 она вышла на дорогу Калвария – Алитус, но только для того, чтобы перейти ее и фронтом на север встать на защиту фланга развернувшихся в сторону Алитуса соединений. Причем это не было пустой формальностью, в ЖБД 20-й мд отмечается: «1-й батальон ведет бой с окопавшимся противником чуть севернее дороги Калвария – Олита». Скорее всего, это были отброшенные от Калварии подразделения 3-го батальона 374-го сп (находившегося на строительстве укреплений). Одновременно в 9.25 последовало сообщение от мотоциклетного батальона, что он контратакован из леса у деревни Слободка. Скорее всего, в лес отошел 1-й батальон 374-го сп 128-й сд. Он был обойден, но продолжал сопротивление. Зачистка леса была поручена 20-му саперному батальону 20-й мд. Тем не менее в ЖБД 20-й мд есть запись: «Следовавший за дивизией через этот лес в 20.10 76-й пп [второй мотопехотный полк 20-й мд, догонявший свою дивизию] был снова обстрелян и принял короткий бой».

¹⁰⁵ NARA T315 R726 frames 421–422.

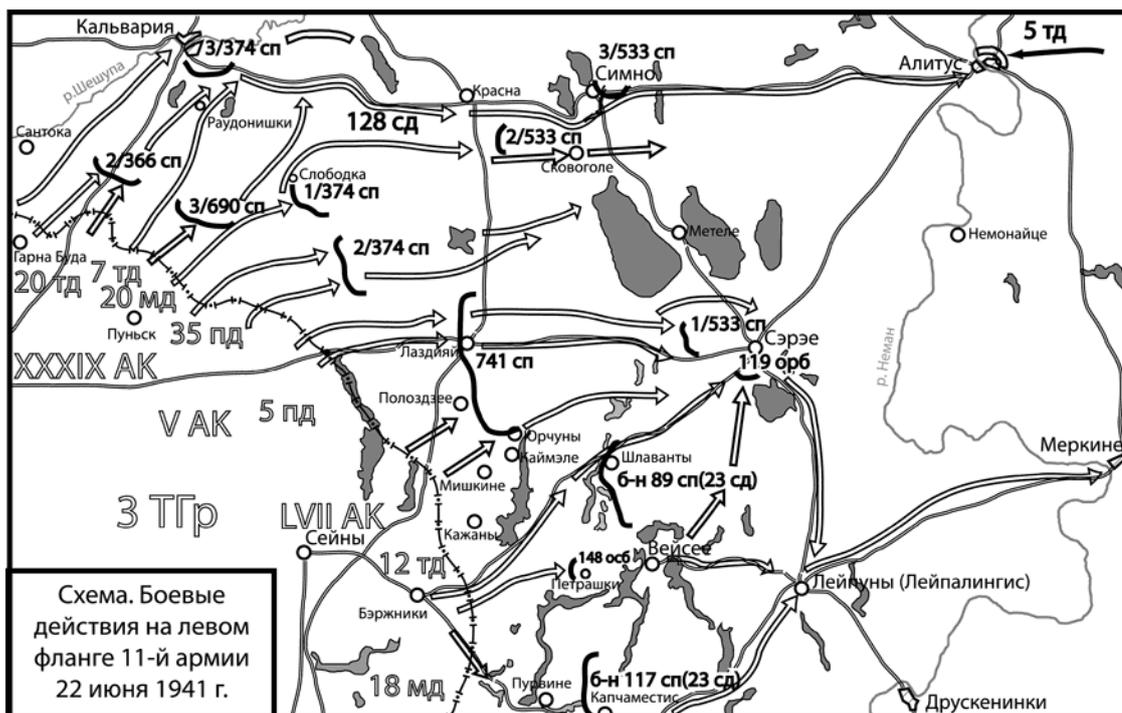
Танк Pz.II и 20-мм зенитка на прикрытии моста у Алитуса.

Одновременно 20-я мд в полной мере испытала на себе трудности продвижения вне крупных дорожных магистралей. В описании трудностей продвижения вперед крупной массы техники подвижного соединения в ЖБД соединения подчеркивается: «Это показывает невозможность быстрого продвижения моторизованной дивизии на участке, где имеется лишь одна пригодная для движения дорога, так что даже слабый противник, умело использующий местность и упорно обороняющийся, может на много часов задержать ее наступление».¹⁰⁶

Здесь скорее имели место издержки ввода в бой сразу всех наличных подвижных соединений, невзирая на дорожные условия. Эвальд фон Клейст (командующий 1-й танковой группой) так бы не поступил и не стал загонять подвижные соединения на проселочные дороги между болотами и озерами. Они двигались бы в затылок друг другу по выбранной в качестве лучшей дороги «панцерштрассе». Герман Гот расценивал «панцерштрассе» лишь как основную ось наступления. В итоге 20-я мд была брошена вслед за 20-й и 7-й тд на Алитус. Также ввод в бой сразу всех соединений оставлял XXXIX корпус без резервов. Однако это было в стилистике Гота: в июле 1943 г. под Курском он тоже поставил все наличные соединения в ряд плечом к плечу, без резервов.

Побочным эффектом ввода в бой сразу всех соединений было поглощение сил противника. Так, продвигавшаяся южнее шоссе Калвария – Алитус 20-я мд связала боем некоторые советские части, оставшиеся в районе наступления XXXIX корпуса. В районе Сковоголе (к югу от Симно) около 14.30 30-й мцб сталкивается с «окопавшимся противником» и атакует его. Однако мотоциклистов оказывается недостаточно, и в бой вводится из резерва III батальон 90-го мп, усиленный двумя дивизионами артиллерии, что позволяет отгеснить советских пехотинцев на юг. Часть сил 30-го мцб была оставлена в качестве охранения.

¹⁰⁶ NARA T315 R726 frame 425.

Танки PzKpfw38 (t) 7-й танковой дивизии на марше.

Тем временем 7-я танковая дивизия, выигравшая соревнование под Калварией, на всех парах неслась к Алитусу. Беспокойство вызвало только донесение воздушной разведки о мелких группах советских войск, отходящих к Неману. Как уже все догадались, это были бросившиеся в тыл безоружные строители укреплений. Задачей танковых дивизий становится возможно быстрый прорыв к реке, до того как она станет устойчивым рубежом обороны.

Мосты в Алитусе охранялись гарнизонами 7-й роты старшего лейтенанта М. А. Черникова из 84-го полка 9-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений.¹⁰⁷ Численность гарнизонов составляла по 21 человеку на каждый мост (северный и южный,

¹⁰⁷ Новиченко А. Л. Указ. соч. С. 103.

железнодорожный). Около часа дня 22 июня к северному мосту в Алитусе прорываются боевые машины 3-го танкового батальона 25-го тп 7-й тд. По воспоминаниям участника тех боев немецкого танкиста Хорста Орлова: «После того как около 20 танков 3-го батальона пересекли мост, 21-й был подбит русским танком с хорошо замаскированной позиции рядом с мостом, которая не была обнаружена немецкими танками. После этого русский танк бросился назад к своей части мимо (на глазах?) у примерно 30 немецких танков, разбросанных на большом пространстве. Несколько танков, включая мой, попытались уничтожить русский танк с помощью 37-мм пушки. Однако эти попытки не имели никакого эффекта на Т-34, который мы увидели в первый раз».¹⁰⁸

Однако советских танков в городе оказалось мало, и немцам удалось образовать плацдарм. Вскоре немецкие танкисты получают поддержку мотопехоты в лице мотоциклистов 7-го мцб своей дивизии. К южному мосту сначала вышла одна рота, а затем весь 2-й батальон 25-го тп 7-й тд. Даже в не располагающем к эмоциям документе, журнале боевых действий 3-й танковой группы, относительно захвата мостов сказано: «На это не рассчитывал никто». Позднее немцы писали, что у пленного советского офицера-сапера был найден приказ, предписывающий взорвать мосты в 19.00 22 июня. Это позволило им пуститься в рассуждения относительно того, что «ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты». Впрочем, давайте поставим себя на место этого командира. Буквально только что по радио прозвучала речь Молотова. Первое впечатление – шок. Решиться на взрыв моста довольно далеко от границы через несколько часов после начала войны было не так-то просто. К глубоким прорывам противника еще только предстояло привыкнуть. Кроме того, через мосты отходили отступающие от границы советские части. Взрывать у них перед носом мосты было бы плохой идеей.

На волне успеха с захватом мостов в Алитусе Гот отдает приказ на продвижение дальше на восток. В ЖБД 3-й ТГр указывается: «Командование танковой группы намеревается уже в первый день продвинуться так далеко на восток от Немана, насколько это вообще возможно. Использование внезапности. LVII АК поставлен целью Веренов [Варенай], XXXIX АК – Вильна [Вильнюс]».¹⁰⁹ Однако этому амбициозному замыслу не суждено было осуществиться. Прорыва на Вильнюс уже в первый день войны не состоялось.

¹⁰⁸ The initial period of war on the eastern front. 22 June – August 1941. Proceedings of the Fourth Art of War Symposium. Edited by Colonel David M. Glantz. Cass series on Soviet military experience, vol. 2. Frank Cass. London. 2001. PP. 173–174.

¹⁰⁹ NARA T313 R225 frame 7488959.

Захваченный немцами Алитус. Хорошо видны следы боев.

Надо сказать, что советская версия боя под Алитусом существенно отличается от нарисованной немцами картины быстрого захвата мостов. Так, согласно статье доктора исторических наук профессора М. В. Ежова «Танковый бой первого дня войны», немцы были встречены огнем еще на подступах к Алитусу: «...по приказу командования 11-й армии 5-я танковая дивизия выдвинулась на западный берег Немана для обороны предмостных позиций...» Соответственно, мосты, согласно этой версии, были взяты с боем, при интенсивной поддержке авиации: «...на позиции, занятые советскими танкистами на западном берегу Немана, враги обрушили бомбовые удары, огонь артиллерии. Они несли тяжелые потери. Вражеским танкам удалось прорваться через мост на восточный берег Немана южнее Алитуса. Но они были сразу же контратакованы подразделениями 5-й танковой дивизии, которые смяли немецкие танки и ворвались в город». Такой сценарий не очень-то вязался с последующим продвижением немцев дальше к Минску. Поэтому тов. Ежов был снова вынужден бросить в бой многострадальные люфтваффе: «исход боя решила авиация врага, непрерывно наносившая удары по нашим танковым подразделениям. Не имея прикрытия с воздуха, они понесли большие потери и к исходу дня вынуждены были вновь отойти на восточный берег Немана». Так немецкие ВВС становятся чудо-оружием, рассеивающим танковые соединения Красной Армии с сотнями танков. Отказ от признания очевидного, утраты переправы под внезапным ударом, порождает необходимость дополнительных объяснений. Особенно неубедительно начинают звучать все эти объяснения на фоне полусотни танков Т-34, имевшихся в 5-й танковой дивизии к началу войны. Люди задаются вопросом: «Ладно, бессмысленные контрудары, но тут-то немцы сами на рожон перли?! Стой и расстреливай их с места!» На ходу появляется еще одно объяснение общей неудачи – недостаток бронебойных снарядов у Т-34. Все это наспех построенное здание рушится при попытке разобраться, откуда у люфтваффе такая нечеловеческая эффективность? Потом на подобных недоговорках и натяжках пыльным цветом расцветает конспирология.

Начальник штаба 3-го мехкорпуса П. А. Ротмистров, на которого ссылается в своей статье Ежов, никаких замысловатых причинно-следственных связей успеха не строит. В его воспоминаниях нет ни слова о боях на подступах к Алитусу, на западном берегу Немана.

В «Стальной гвардии» Ротмистров пишет следующее: «Командир дивизии полковник Ф. Ф. Федоров успел выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка. Артиллеристы и танкисты, подпустив танки врага на 200–300 метров, открыли огонь прямой наводкой. За 30–40 минут боя они подбили 16 вражеских машин и на время задержали танковую колонну 39-го моторизованного корпуса фашистов».¹¹⁰ В таком варианте противоречия с документами 3-й ТГр уже нет. Перечисленные части дивизии полковника Федорова выдвигаются к мосту уже после его захвата и задерживают развитие наступления с плацдарма на восточном берегу, подбив некоторое количество вражеских танков. При всех претензиях к Ротмистрову как к мемуаристу в целом, здесь он не дает повода усомниться в своих словах.

Подбитый немецкий танк 38 (t). Такие машины составляли основу танкового парка 3-й ТГр.

Помимо Ротмистрова есть и другие свидетельства относительно ухода 5-й тд из Алитуса, что не позволило встречать противника мотострелковым полком на западном берегу, как в статье тов. Ежова. Так, начальник оперативного отдела 13-й армии Западного фронта пересказывал слова самого командира 5-й тд Ф. Ф. Федорова, сказанные после выхода из окружения. Его дивизия, как сообщил Федоров, «получила задачу обеспечить отход остатков стрелковых частей и не допустить форсирования Немана гитлеровцами севернее Друскининкая».¹¹¹

¹¹⁰ Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 51–52.

¹¹¹ Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 48.

Если бы советская 5-я тд осталась у Алитуса, то форсирование Немана стало бы для передовых соединений 3-й танковой группы сложной задачей. Им бы пришлось продираться через энное количество разнокалиберных танков, и вряд ли она бы завоевала желтую майку лидера. Однако советские танки подошли к мостам уже тогда, когда они были заняты немцами. Поэтому для советских войск сражение развивалось по сценарию «атаки на плацдарм», а не «оборона предмостной позиции». Во второй половине дня 22 июня танкисты дивизии Ф. Ф. Федорова предприняли ряд атак на вражеские плацдармы, но все они были безрезультатны. Атакующие Т-34 были, разумеется, куда уязвимее занимающих статичные позиции. Т. е. ответ на вопрос «А что случилось с 50 Т-34 5-й тд?» приобретает более простой и очевидный ответ.

Здесь следует признать, что отвод 5-й танковой дивизии из Алитуса стал роковым решением командования Северо-Западного фронта. Она еще до начала боевых действий фактически занимала ключевую позицию на важной магистрали. Однако уже в 9.35 22 июня Кузнецов докладывал в Москву: «5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии и прикрывать тыл 11-й армии от литовцев, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники».¹¹² Через несколько часов к Алитусу вышли немецкие танки.

¹¹² СБД № 34, С. 36.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.